

A romantic couple is featured in a festive, warm-toned setting. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a black button-down shirt. The woman, on the right, has long, dark, wavy hair and blue eyes, wearing a red top. They are both looking towards the camera. The background is a deep red with numerous glowing golden lights and bokeh effects, suggesting a holiday or celebratory atmosphere. The overall mood is intimate and romantic.

Ольга Ли

АМОРИ
СТРОПТИВАЯ
истинная

Ольга Ли

Амори. Строптивая истинная

<https://litres.ru/74206639>

Аннотация

Я - бракованная ведьма без дара. После новости о том, что ведьмы могут рожать детей от вампиров, все словно обезумели. Меня и нескольких сестёр похитили с вампирского приёма-смотрин. Но нашёлся один ханжа и грубиян с отвратительной репутацией, который не только спас нас всех, но и стал свидетелем моего позора. С благословения Богини и в благодарность за спасение дочерей глава семьи пообещала отдать порченную ведьму вампиру, который считает меня своей истинной. Меня же просто выворачивает при одной мысли о нём. Я не чувствую никакой истинности и готова на всё, чтобы избежать незавидной участи...

Я не стану его амори! * Однотомник Самостоятельная книга Проды три раза в неделю * — А эта в сознании, — один из похитителей кивает на меня. — Посмотри, какая хорошенькая, м-м-м. Ух, я бы её! - и делает непристойный жест, не скрывающий самых грязных намерений.

Его дружки одобрительно ржут и отпускают сальные комментарии. Сердце заходится от страха. Совсем не такого я ждала от этой ночи. Вместо объятий любимого окажусь изнасилованной, от ужаса даже не могу заплакать, всё внутри будто онемело. Похитители подхватывают наши тела, словно

мешки с мукой, и несут в дом. Каждую кладут на отдельную кровать, привязывая руки к изголовью. — Какая сочная, — шепчет ублюдок, что положил меня на кровать, и расстёгивает пуговицы платья... * За обложку благодарю Ану Ховскую За терпение и корректуру - тоже!

Содержание

От автора	5
Глава 1. Судьбоносный вечер	6
Глава 2. Украденное сердце	25
Глава 3. Благословение	47
Глава 4. Наваждение	63
Глава 5. Побег	74
Глава 6. Тебе не сбежать	98
Конец ознакомительного фрагмента.	112

От автора

Действие романа происходит в мире будущего, во времена эпохи Глобо, когда все говорят на едином языке и пользуются едиными глобальной сетью, валютой и языком.

Теперь вампиры живут открыто среди людей, а ведьмы всё ещё остаются в тени.

Многовековая вражда между вампирами и ведьмами подошла к концу после того, как стали известны случаи того, что вампир и ведьма могут зачать дитя. Хрупкое перемирие держится на строгом кодексе правил, главное из которых: истинность пары превыше всего.

Глава 1. Судьбоносный вечер

Лаура

В голове словно разорвалась бомба, каждый вдох отдаётся болью в затылке. Руки затекли, кисти пронзает тысячей мелких игл.

«Где я?»

Пытаюсь поднять голову, но затылок гудит так, что малейшее движение высекает искры боли. Всё, что могу, — это смотреть вниз, пытаюсь в темноте разглядеть, где же всё-таки я оказалась. По ощущениям, в машине. Но как прямоком с приёма я оказалась в какой-то машине, связанная и обездвиженная?

Вспышка света из маленького зарешечённого люка в потолке подсвечивает и других пленниц на холодном деревянном полу маленькой трясущейся душегубки.

Да, так и есть. Мы едем в какой-то тесной машине, трясаясь и подпрыгивая на каждой грёбаной кочке, это явно не городская гладкая дорога. Вижу ногу в атласной красной туфле. Джесс... Да, это она — ведьма из моего дома. Я сама открывала с ней коробку с этими дорогими туфлями из модного магазина и любовалась соблазнительным дерзким образом сестры.

«Но почему и она здесь? Неужели и её похитили? Как?!»

В голове взрывается ужасающая догадка: «Нас опоили и

заблокировали силу!»

Ладно я бездарная, упала от удара, но Джесс! Она же в силе, давно владеет даром, а ведьму так просто не вырубить.

Тихий стон справа. Я прислушиваюсь. Нина. Так и есть: ещё одна ведьма из моего дома. «Чёрт! А я даже говорить не могу: кляп во рту».

Как предусмотрительно: руки связаны, чтобы не сплести нить заклинания, рот закрыт кляпом, чтобы не сказать ни единого слова, не сделаешь ни внушения, ни заговора. Умно. Похитители явно хорошо подготовлены. Знают про ведьм многое.

Чувствую, как от напряжения, волнения и холодного ночного воздуха в машине меня трясёт. Закрываю глаза и вспоминаю улыбку Салима.

Пытаюсь забыться, вызвав образ любимого, но этого мне сделать не дают. Машину несколько раз потряхивает особенно сильно, а затем движение прекращается.

Лязгает засов, и дверь нашей тюрьмы на колёсах открывается, впуская свет от фонарей, запах леса, гари, словно где-то топится печь, и крепких мужчин. Те присвистывают, разглядывая нас.

А посмотреть есть на что: каждая тщательно готовилась к приёму, подбирала наряд, делала причёску, чтобы быть во всеоружии, когда найдёт своего истинного, а вместо этого мы сейчас лежим связанные, опоённые какой-то дрянью, и беззащитные на холодном деревянном полу. Непонятно где,

в какой-то сельской глуши, и тело каждой осматривают громилы с кривыми похотливыми улыбками. В воздухе пахнет вожделением и опасностью.

— А эта в сознании, — один из них кивает на меня. — Посмотри, какая хорошенькая, м-м-м. Ух, я бы её!.. — и делает непристойный жест, ничуть не скрывающий самых грязных намерений.

Его дружки одобрительно ржут и отпускают такие сальные комментарии, что уши в трубочку сворачиваются.

Сердце заходится от страха. Совсем не такого я ждала от этой ночи. Вместо объятий любимого окажусь изнасилованной. От ужаса даже не могу заплакать, всё внутри будто онемело, и эмоции покрылись толстым слоем льда.

Похитители подхватывают наши тела, словно мешки с мукой, и несут в какой-то дом. Каждую из нас кладут на отдельную кровать, привязывая руки к изголовью. Кроватей много, и почти все оказываются заняты.

— Какая сочная, — шепчет ублюдок, что положил меня на кровать, и расстёгивает пуговицы платья. — М-м, да-а, — и холодные шершавые руки бесцеремонно сминают груди, оставляя боль там, где касаются. — Жаль, что тебя будет трахать хозяин... — по угловатому лицу пробегает тень, — но если ты не залетишь от него, то, может, и мне перепадёт, — и рука спускается ниже, отодвигая ткань белья. — Дай-ка рассмотрю тебя получше... М-м, какая гладенькая...

Я мотаю головой, тщетно пытаюсь отстраниться и вы-

крикнуть «нет», но кляп мешает, и всё, что могу, лишь издавать мычание.

— Не горячись, Эл, — в комнату входит ещё один ублюдок, судя по командным ноткам в голосе, — главный в этой шайке. — Сейчас придёт заказчик, не надо портить девочек. Тебе, да и всем нам крепко достанется, мы не за это получаем гло[1]. Не забывай, для чего они тут. Снимешь потом любую шлюху.

— М-да уж, — подонок убирает руки, — им предстоит важная миссия: они должны забеременеть от упыря. И если ребёночек будет от человека, то...

— Прекрати! — обрывает его главарь, глядя в экран глофона. — Заказчик приехал.

Они удаляются, так и оставив меня с задранным платьем и оголённой грудью.

«Заказчик, — я дёргаю руками, пытаюсь высвободиться и одновременно осмысливая услышанное, — должна забеременеть от упыря... Они наёмники, которых наняли, чтобы похитить ведьм! Получается, нас похитили по приказу вампира. И тот хочет получить потомство от ведьм любой ценой, обойдя все правила кодекса. Но ведь... только в истинной паре может появиться дитя?! Или я чего-то не знаю...»

Меня бьёт мелкая дрожь. А затем слышу тихие голоса. Это главарь бандитов и, судя по всему, заказчик. Затихаю, прислушиваюсь, впитываю едва слышные обрывки фраз:

— Да, их восемь... опоили... все молодые... Нет, ни ца-

рапины... как договаривались... сработали чисто.

Голос второго едва различим, и всё же я кое-что слышу:
— Скоро вы мне снова... вот аванс...

В голове усиливается шум, от паники к горлу подкатывает тошнота. «Только не сейчас!»

В комнату кто-то тихо входит, я чувствую холодный, пронизывающий взгляд. Чувствую, как мою ауру сканируют.

«Это точно вампир! — сердце стучит как бешеное. — Ведь отсканировать ауру может только ведьма или сильный вампир».

— Прислужница, — раздаётся тихий шёпот. — Пустышка.

Впервые в жизни я так искренне рада тому, что у меня нет дара.

— Отдам тебя парням для утех, — ввергает в пучину ужаса холодный шёпот, — мне такая не нужна.

«Рано радовалась», — обречённо думаю, силясь разглядеть тварь, что говорит со мной, словно хозяин с рабыней.

— Нечего глазеть! — он заносит руку и ударяет в челюсть. Удар отдаёт в затылок, и без того сильная боль становится нестерпимой, настолько, что теряю сознание. «Надеюсь, не приду в себя и не окажусь больше в этом ужасе», — последнее, о чём думаю, прежде чем отключиться.

Лучше бы так и было.

Когда открываю глаза, то слышу сдавленные стоны и громкие шлепки. В полумраке вижу, как одну из ведьм, за-

драв подол её платья, насилуют. Девушка обездвижена, руки её связаны, тело лежит на самом краю кровати, а насильник стоит ко мне полубоком, по-прежнему скрытый полумраком. Он издаёт утробные стоны удовольствия и быстро, жадно вколачивается в жертву. В воздухе висит металлический запах крови.

«Девственница. Она была девственницей. Как и я!»

От омерзительных сцены и мыслей меня захлёстывает волной отвращения, стыда, страха. Хочется кричать, бороться, избить ублюдка до смерти...

Но я ничего не могу сделать, а когда пытаюсь пошевелиться и закричать, то снова проваливаюсь в густой туман. «Лучше ничего не видеть», — окунаюсь в полузабытьё, и меня уносит в сладкие воспоминания этого утра...

Подумать только, всего лишь несколько часов назад я была счастлива и строила грандиозные планы вместе с любимым.

— Ты восхитительно пахнешь, — жарко шепчет Салим и вдыхает запах моих длинных мокрых волос. Сильные руки скользят по спине, прижимая ближе к накачанному торсу, заставляя трепетать. Сквозь тонкую ткань футболки чувствую, как быстро бьётся его сердце.

Не могу устоять и целую мягкие полные губы любимого. Он страстно отвечает, заставляя меня пылать и желать большего. Я балансирую на самом краю желания, как и всегда рядом с ним. И всё же удерживаюсь от падения. Пока что.

— Мне нужно собираться на чёртовы смотрины, — нехотя отстраняюсь, с удовольствием подмечая прерывистое дыхание красавчика. Мне нравится, как он смотрит на меня, как открыто проявляет чувства и восхищается моей красотой.

— Ты же не будешь там овцой на заклатие? Скажи ещё раз, Лаура, — он умоляюще смотрит в глаза.

— Нет, я лишь буду прислуживать, — улыбаюсь, пытаюсь сделать безразличный вид и скрыть боль, — ведь дар ещё не пришёл ко мне, так что я лишь должна смотреть и слушать, молчать и наматывать на ус тонкости поведения с клыкастыми.

— Твой дар обязательно придёт, — он целует меня в лоб, — не переживай. Всему своё время.

Кусаю губу, оттого что не смогла скрыть переживания от Салима. Да и как такое скрыть...

Мне уже девятнадцать, почти двадцать, я совершеннолетняя по меркам ведьм. В этом возрасте все уже давно входят в силу, принимают дар. Есть ведьмы, ставшие сильными даже в семнадцать, а я... Вздыхаю.

«А я какая-то бракованная...» — горькая мысль не даёт покоя уже почти два года. Ведь мне скоро будет двадцать, а я всё ещё никто в мире ведьм. Ещё и приёмш.

— Не переживай, — снова повторяет Салим. — Я думаю, это к лучшему. — Ты ведь можешь выйти за своего, не становясь вампирской подстилкой.

— Если Мэг одобрит. Сам знаешь, после того, как выяснилось, что ведьма рождает от вампира сильного ребёнка, все как с ума посходили с этой истинностью.

— Я думаю, что если я официально посватаюсь, то она не будет против, — в голосе парня звучат многозначительные нотки.

— А ты...

— Да, — юный маг пристально смотрит мне в глаза. — Я хочу, чтобы мы были вместе. Во всех смыслах.

Его слова звучат, словно музыка, заставляя чувствовать себя любимой, нужной и желанной.

И я решаюсь на то, о чём думаю уже давно:

— Мы можем... провести ночь после этого вечера. И я согласна, чтобы ты посватался.

— Ты уверена? — тёмные миндалевидные глаза вспыхивают.

— Да... — подставляю губы для очередного жаркого поцелуя.

— И пойдёшь до конца этой ночью? — рука Салима приятно сжимает грудь, вызывая сладкую истому.

— Да, — шепчу я, — ведь мы и так будем вместе всю жизнь...

Рука Салима плавно спускается ниже и проникает под мокрые от желания трусики...

«Да-да-да!» — ликую я, стоя перед зеркалом, после того, как забралась в комнату через предусмотрительно открытое

окно.

Всё внутри горит от желания и жаждет того, что произойдёт этой ночью, после того, как я отработаю постыльную обязанность прислуживать сильным и опытным ведьмам в поисках мужа-вампира, чтобы продолжить древний род Марани, к которому принадлежу и сама. Ведь мой отец был братом Мэг. Поэтому меня забрала семья Марани. Хотя, надо признать, родственники матери не особо-то жалуют ведьму из слабой семьи. Ведьму, которой почти двадцать, а она всё ещё без дара. Всё ещё почти как человек.

«Может, и правда к лучшему, что дар ещё не пришёл ко мне? Зато буду с тем, кого полюбило сердце, без глупой привязки инстинктов к клыкастым монстрам», — расчёсываю длинные тёмные волосы, укладываю их в скромный пучок. Прислужницам не полагается сиять, они должны быть скромны, ходить с опущенной головой и впитывать слова более опытных ведьм. Пока у нас нет дара, мы не можем стать истинными для вампиров. Так зачем привлекать к себе лишнее внимание. Ведь главная наша цель — размножение и сильное потомство. Только поэтому мы согласились на все эти смотрины и дали возможность вампирам открыто глазеть на нас и брать в жёны.

«Амори! — с наставительными нотками преподавателя по межкультурным коммуникациям поправляет меня внутренний голос. — Ты будешь амори, как у них принято. Только если он захочет, то проведёт обряд единения, как принято у

нас. И если над вами расцветёт веточка яблони, то ваш союз благословенен, и быть вам вместе до скончания веков. Без права на развод».

Хотя, я ещё не слышала, чтобы кто-то из ведьм разводился с вампиром. «Разрывал договор», — снова поправляет внутренний голос.

— Просто, пошли они все, — улыбаясь своему отражению скромной прислужницы в зеркале, произношу я вслух. — Я выйду замуж по любви, за того, кого выбрало моё сердце, как Джейн и Чарльз в «Гордости и предубеждении».

«Конечно, это к лучшему!» — поправляю складки длинного тёмно-синего платья, повязываю шёлковый платок на шею, чтобы не вводить кровососов в лишнее искушение.

Со спокойной улыбкой и предвкушением незабываемой ночи отправляюсь вместе с сёстрами и главой семьи Мэг в дорогу.

— Ты какая-то другая, — украдкой шепчет Нина. — Всё в порядке?

— Да, — улыбаюсь, стараясь скрыть замешательство. — Просто задумалась.

— Не печалься, — тёплая рука опускается на мою ладонь. — К тебе придёт дар. Увидишь.

— Спасибо, — слегка сжимаю руку Нины.

Она волнуется, ведь это её первый выход в свет, да ещё и к вампирам, про которых говорят, что они жуть какие красавчики. За последние пару лет, как Александра, сильная и мо-

лодая ведьма из старого рода, родила Верховному вампиров Виктору Морено двух детей с высокими магическими способностями, все будто с ума посходили. «Теперь мы спасены от вымирания», — шептались в кулуарах. «Ведьмы возродятся!» — ликовало всё сообщество.

«Буквально за пару лет те, кто сжигал нас на кострах инквизиции, стали самыми желанными партнёрами. Ох уж эта эпоха Глобо!» — разглядываю неоновый тоннель с очередной рекламой и думаю о тех, кто будет на приёме.

О вампирах.

Нам так долго вбивали в голову, что они наши враги и нужно держаться от них подальше, что всё ещё кажется диким то, как быстро переменились ведьмы. Гнев сменился на милость, и ради спасения от вырождения мы делаем реверансы, улыбаемся, маним... «И отдаёмся нашим врагам!» — так и слышу голос дальней родственницы, которая рассуждала обо всех этих метаморфозах.

Ладно, семья отца. Марани всегда были лояльными, если верить Мэг. Но вот семья моей матери... Та самая, где я провела большую часть жизни... Наверное, до сих пор зубами скрежещут и не могут смириться с происходящим. Ведь даже я, та, которую так упорно пыталась перевоспитать Мэг, отдав на дополнительные занятия, не могу терпеть этих... вурдалаков!

— Говорят, там будет Арес, тот самый... — загадочно шепчет Джесс на ухо Нине.

«Наверняка от него смердит старостью, ведь кровососы живут по семьсот лет!» — подавляю брезгливую ухмылку и опускаю глаза в пол, поймав укоризненный взгляд Мэг.

— Вот и зал приёмов, — с восхищением произносит Нина. Она так и трепещет от предвкушения. Нежные щёки разруглянились, нога нетерпеливо постукивает по полу гломобилия.

Услужливый мужчина-человек встречает нас и с подобострастной улыбкой провожает в роскошно украшенную залу. Повсюду хрусталь, позолота, дорогой красный бархат и... вампиры.

Множество оценивающих взглядов скользит по нам, и я против воли чувствую трепет от этого внимания. Трепет и ревность, ведь я на вторых ролях, всего лишь пустышка, что прислуживает одарённым сёстрам. Пока что нам попадаются исключительно красавчики, которые могут посоперничать даже с Салимом.

«Вздор! — встряхиваю головой. — Куда этому старичью до молодого мага! Пусть его семья не так богата, а брат сваялся с дурной компанией, но он любит меня, с ним я буду счастлива, не то что с одним из этих».

Замечтавшись, неловко задеваю мраморную колонну, гротескно украшенную безвкусной позолотой лепнины, и чертыхаюсь.

— Помни, — быстро реагирует Мэг, — вежливость и скромность. Мы приличная семья. Абы кого сюда не зовут,

на этих приёмах только самые сильные.

— Конечно, — склоняю голову. — Я само послушание.

Старая ведьма тихонько усмехается, и по задорным искрам в таких же синих, как и у меня глазах, понимаю, что она ни капли мне не верит.

Следую хвостиком за Ниной и Джесс, помогаю поправить причёску и стою чуть поодаль, опустив глаза, пока их представляют то одним, то другим влиятельным кровососам. Светские беседы, улыбки, шампанское и тонкий флирт. Все, кроме прислужниц, наслаждаются вечером.

Меня в моём скромном платье и с нулевой магией словно не замечают. Скользят безразличными взглядами.

«Ну и ладно! Мне среди вампиров ловить нечего. Этой ночью я буду наслаждаться ласками Салима, а потом... — чувствую прилив желания и закусываю губу. — Дьявол, что ж так накрыло-то!»

— Я в уборную, — шепчу Нине и ухожу освежиться.

В уборной из зеркала на меня смотрит девушка с затуманенными от страсти глазами. Утренние ласки Салима дают о себе знать, я словно ненасытная кошка жду, когда же он приласкает меня, вспоминая, как ловкие руки касались заветного местечка, заставляя стонать и прижиматься к любимому ближе.

Достаю из маленькой сумочки салфетки и промокаю капельки пота на висках. «Потерпи, Лаура, этой ночью ты познакомишься с настоящим наслаждением с тем, кого любишь!» —

улыбаюсь себе, а затем вижу сообщение от Нины: «Поторопись», — и вылетаю из уборной.

И тут же врезаюсь в чьё-то твёрдое плечо. Почти падаю от удара при столкновении, но крепкие руки быстро ловят меня, подхватывая за тонкую талию.

— Аккуратнее! — звучит приятный баритон откуда-то сверху.

— Вы тоже! — дерзко отвечаю я.

— Хм-м, — издаёт смешок обладатель приятного голоса.
— Посмотри-ка на меня, девочка!

Я поднимаю глаза и почти ахаю. Передо мной стоит... вампир. Чертовски красивый вампир, с таких, наверное, ваяли статуи богов в древние времена. Тёмные глаза цвета горького шоколада, обрамлённые чёрными как ночь ресницами, пронизательно смотрят, словно заглядывают в самое моё сердце. А затем на холодном бесстрастном лице появляется лёгкая тень замешательства. Впрочем, она быстро проходит.

— Арес, — он слегка склоняет голову. — А вы?

— А я всего лишь прислужница, — с неожиданной злостью дерзко произношу я.

— Будьте повежливее, юная леди! — в его голосе звучат странные задумчивые нотки. А глаза так настойчиво разглядывают, словно это чудовище в образе молодого красивого мужчины увидело странное насекомое и изучает его.

— Извините! — с трудом отрываюсь от изучающего взгляда.

да, словно клыкастый пытался просканировать меня. Этот взгляд слишком бесит. Вызывает очень странные ощущения, словно во мне ещё тлеют угольки желания. Сбрасываю руку вампира с талии и выпаливаю: — Извините, конечно, что вы всего лишь налетели на меня, когда я спокойно выходила из уборной. Ещё тысяча извинений, что не приседаю в реверансах, лишь бы угодить! И не надо меня сканировать, я и так всё скажу! Видно же, что я прислужница и интереса для вас не представляю. У меня нет дара и ребёнка от вампира не рожу!

Задираю нос и, стуча каблуками, быстро иду в сторону зала приёмов. Тлеющее желание угасает под напором злости.

Красавчик остаётся стоять неподвижно, словно окаменев от моей дерзости.

«Ну и пусть! У меня другой путь! Я выйду замуж по любви, а не поддавшись инстинктам!» — горделиво расправляю плечи и уверенно вхожу в залу.

Мероприятие идёт своим ходом. Все танцуют и веселятся, сверкают белозубые улыбки, льётся шампанское, повсюду снуют официанты с закусками. В саду зажигают огни, и мы выходим на улицу.

— Мария встретила истинного, — улучив момент шепчет Нина. — Мне Анжи сказала.

— Ого, так быстро!

— Говорят в прошлый раз Саша из семьи Лукасов уже на приёме отдалась своему истинному. Мария пока ещё ни с

кем не трахается. Так что это ещё не быстро, — усмехается подруга.

— То ли ещё будет, — бросаю взгляд на тех, о ком говорит Нина, и вижу, как они не отлипают друг от друга, держатся за руки и тихо над чем-то смеются. Два голубка, ни дать ни взять.

Меня передёргивает: «Неужели истинность так одурманивает... То ли дело мы с Салимом — встречаемся почти год. Вот у нас всё серьёзно, у нас любовь. А не какие-то там животные инстинкты. Как можно трахаться с кем-то, кого видишь в первый раз? Всё должно быть по любви!»

Чуть позже, когда все немного захмелели, а Мэг куда-то отошла, мы с подругами Джесс и Ниной отходим в глубь сада.

Услужливый официант, неожиданно откуда-то взявшийся в этих дебрях, подносит нам поднос с шампанским.

— Надо отдать должное, — Джесс берёт бокал, — сервис здесь на высшем уровне!

Осмелев, я пью шампанское вместе со всеми и достаю из сумки глоффон, поглядываю, не пришло ли сообщение от Салима. Глядя на весёлую компанию захмелевших товарищей, предаюсь сладким мыслям: «Скоро приём закончится, и можно будет встретиться с любимым», — делаю глоток, немного игристого для блеска в глазах не повредит.

Мы садимся в чудесном летнем шатре, который так кстати встретился нам в этой дикой части сада, и продолжаем пить

прекрасный ледяной напиток. Я почти решаюсь рассказать подруге о предстоящей ночи с Салимом и вдруг замечаю, что Нина засыпает прямо с бокалом в руке и ударяется головой о стол.

— Нина, ты что? — торможу подругу и понимаю, что с остальными происходит то же самое. Всё вокруг становится расплывчатым, мутным, а потом и я окунаюсь во тьму, чтобы оказаться посреди самого ужасного и отвратительного, что видела в жизни...

«Бум-м-м», — раздаётся где-то вдали, потом ещё и ещё.

Сквозь ватную тишину и образы, скользящие в тумане моего забытья, прорываются странные звуки. Я вынырываю из тумана, чтобы погрузиться в реальность: хаос выстрелов, вспышки света, мужские фигуры с оружием в руках. Не могу открыть глаза, но чувствую прикосновения, кто-то аккуратно развязывает мои руки, поправляет одежду, одёргивает задранную юбку, едва касаясь кожи, прикрывает грудь. Быстрые ловкие прикосновения, крепкие руки, ощущение безопасности и чувство позора от того, что кто-то видит меня полураздетую и, возможно, изнасилованную, сливаются воедино.

Лица мужчины не видно, пытаюсь прищуриться, но свет играет со мной, бьёт прямо в глаза, причиняет боль. Спаситель подхватывает меня на руки и несёт сквозь хаос происходящего. Где-то раздаётся взрыв, с потолка сыплется штукатурка, всё дребезжит, становится вязким, мутным и ка-

ким-то пыльным. В ушах звенит.

— Не бойся, — шепчет мужчина и обнимает меня крепче.

От этих простых слов и теплоты в шёпоте становится нестерпимо больно. Лёд внутри плавится, и я даю волю слезам. Полураздетая, в порванном платье, опоённая какой-то дрянью, я наконец-то плачу. Плевать, что кто-то видит меня такой сломленной и опозоренной. Сейчас я самая обычная девушка, которая чудом вырвалась из ада.

— Не плачь, милая, — он гладит меня по волосам, а я замираю от узнавания.

Мой спаситель — тот, кого я меньше всего ожидала увидеть в этой роли.

Мой спаситель — вампир.

И это Арес.

На красивом и высокомерном прежде лице отражаются такие эмоции, что невозможно поверить.

«Я просто брежу...»

И всё же это его руки крепко держат меня, прижимая к себе. Это он стал свидетелем моего позора и унижения.

Справа от нас раздаётся взрыв, вампир ныряет куда-то в сторону, словно прикрывая меня собой. В ушах бухает, взрывается, мир сужается от яркой вспышки, я зажмуриваюсь, не в силах выносить такого яркого света. И мир становится ещё уже, словно игольное ушко, в котором лишь сильные руки вампира, ощущение прерывистого дыхания прямо в мои растрёпанные волосы и нестерпимый шум, перераста-

ющий в дикий ультразвук, да такой, что кажется, я оглохла.
— Лаура... Лаура... — кажется, сквозь толстый слой шума слышу голос Ареса.

«Бред, откуда он знает моё имя? Это всё мне мерещится? Или нет?» — я растеряна, дезориентирована, словно всё моё существо, моя суть распалась на тысячи молекул и теперь прежнюю уверенную в себе Лауру не собрать, а вместо неё внутри поселилась запуганная жалкая девчонка.

А потом мир словно накрывает огромной чёрной крышкой, и я погружаюсь в никуда. Без видений, образов, звуков.

[1] Единая денежная валюта.

Глава 2. Украденное сердце

Арес

— Так что, — Мойра откидывает голову и дерзко смотрит в глаза, — поедешь на приём искать жёнушку, чтобы родила тебе сопливых детишек?

— М-м-м, какая ты ревнивая... — подхожу ближе к недовольной вампирше и кладу руку ей на талию. — Мне нравится, когда ты такая.

— Какая? — серые глаза искрят, обещая бурю.

— Дикая, — придвигаюсь ближе, спускаю шёлковую бретельку с молочного плеча, — необузданная, — шепчу глядя ей в глаза. — Порочная...

— Арес... — ей не удаётся скрыть желание в голосе. — Чёртов жеребец! — она облизывает губы и медленно, не отводя глаз, снимает шёлковое платье.

Разумеется, под ним ничего нет. И конечно, она знает, какое впечатление производит на меня.

Мы целуемся. Страстно. Горячо, обжигаяще. Руки вампириши уже на моей ширинке, миг, и я так же обнажён, как и она. Быстрым отточенным движением Мойра опирается о стол, выгибаясь словно кошка, и шепчет:

— Трахни меня...

Я толкаюсь в неё, наслаждаясь влажной киской.

— Да-а, — рычу, вколачиваясь в любовницу.

— Да-а, Арес, да-а-а, — стонет она, подаваясь навстречу.

Мы двигаемся в унисон, в одном ритме, на одной скорости, и вскоре она кончает, сладко и громко. А затем опускается на колени и проводит языком по возбуждённому члену, обхватывает его губами и делает потрясающий минет.

«Как и всегда», — думаю я, запуская руку в длинные тёмные волосы. Она призывно смотрит в глаза снизу вверх и вытворяет языком и руками такое, что в глазах искрит от наслаждения.

Когда всё закончено, мы лежим на чёрном шёлке в беспорядке кровати после любовных утех и закуриваем.

— Всё же пойдёшь на приём? — ревниво уточняет она.

— Придётся, — вздыхаю. — Мне пришло приглашение, сама знаешь. Не нужны мне ни дети, ни ведьмы. Приличия ради схожу.

— Так сделай меня своей амори, — она выпускает колечко дыма. — И проблема решится. Никаких приёмов и шлюх-ведьм.

— Давай обсудим это после моего возвращения, — я тушу сигарету. Идея Мойры с каждой минутой кажется всё более заманчивой. Зачем мне какая-то ведьма, какие-то дети? Что за бред про истинность...

— Ты ведь не веришь в истинность, — вампирша словно читает мысли, придвигается ближе, обвивает мои плечи нежными руками. — Так зачем весь этот балаган?

— Наверное, из чувства долга, — пожимаю плечами. —

Ну и потом, когда тебе приходит персональное приглашение от Верховного, лучше проявить уважение. Особенно учитывая мою биографию.

— Подумай, — Мойра целует меня в щёку, а затем внезапно прикусывает мочку уха. — Мы могли бы разделить вечность. Разве нам плохо?

— Очень даже неплохо, — чувствуя прилив возбуждения переворачиваю партнёршу на спину и вхожу в неё, глядя прямо в глаза.

Она издаёт долгий протяжный стон, сверкает серым хрусталём глаз и не отводит взгляда.

Выдыхаю:

— Я подумаю, милая.

А потом для слов не остаётся места. Мы снова сплетаемся, меняем позы, накаляемся от страсти. Вампирский потрясающий секс. Ни с одной, даже самой умелой человеческой женщиной такого не испытаешь.

— Люблю тебя, — посылает воздушный поцелуй Мойра, когда я закрываю за ней дверь. У въезда в дом стоит её глобиль, слышу рёв мотора и, удовлетворённо улыбаясь, иду в душ. Нужно подготовиться к приёму.

Сидя в джете, думаю о вампирше. Мы уже почти восемь лет вместе и всё ещё не надоели друг другу, что ж, может быть, и настало время взять себе амори. Сильную. Равную себе. Хватит с меня этих временных удовольствий, человеческих женщин, которых я читаю, словно раскрытые книги.

Сколько их было, этих прелестниц. Этих ласк, зовущих губ, влюблённых глаз. Ведьмы не особо от них отличаются, когда-то у меня были и они. И там всё то же — только помани её, и она уже стонет под тобой, трепещет от предвкушения, ничем не отличаясь от человеческих женщин. Я спал с ними ещё до времён инквизиции, когда меня только обратили и в обострённом восприятии стремился познать всё, что только можно. И ни с одной из них мне не было так хорошо, как с Мойрой. Даже малышка Анна, по которой я когда-то сох, в итоге расплавилась в моих объятьях, чтобы потом сгореть в огне иного рода.

Как и всегда, морщусь от неприятного воспоминания о грязной работе, которую проделывал в те смутные времена. «Или мы, или они, — шепчет внутренний голос. — В средневековье не было места для любви, и ты выбрал выживание».

Делаю глоток виски, отгоняя призраков прошлого. «Арес, ты дожил до глобо благодаря тому, что разделяешь чувства и мозги. Так и продолжай. Выживать — лучшее, что ты умеешь. А чувства... слишком большая роскошь для старого вампира».

Смотрю на янтарную жидкость.

«Мойра-Мойра, ты почти идеально подходишь на роль амори», — думаю снова и чувствую, что что-то внутри всё время останавливает от этого разумного и практичного решения.

В Амьене стоит тёплая солнечная погода.

«Наверняка ведьмы воспользуются этим, чтобы показать все свои прелести», — разглядываю прохожих, наслаждающихся солнцем через окна гломобиля, пока едем в отель. Открытые плечи, короткие юбки, татуировки на юных телах. Эпоха Глобо так же полна искушений, как и XXI век, когда культура потребления воссияла над человечеством, словно новое солнце. Все стали такими индивидуальными и в то же время одинаковыми. Доступными, как никогда.

Вот почему, скользя взглядом по многочисленным прохожим, я не испытываю ничего: ни желания, ни жажды. Иногда кажется, что я уже так много попробовал, что ничем уже не удивить. Лишь Мойре удаётся удерживать мой интерес, оставаться рядом и заставлять желать её прекрасное, словно слепленное из глины, тело.

«Мойра... Сделаю тебя своей амори», — вхожу в номер отеля и смотрю на большую кровать, вспоминая, как однажды в похожем номере ненасытная любовница выпила трёх человек до дна. «Это всего лишь люди, — улыбаясь окрашенными кровью губами небрежно бросила она в ответ на мой недоуменный взгляд. — Я просто их захотела, вот и всё».

Вся наша вампирская философия уместилась в этой фразе: «Я просто их захотела», — повторяю я, кажется, вслух, думая о своевольной вампирше, и хорошенькая горничная тут же покорно подставляет шею, словно одурманенная

мной.

Но мне её сейчас не хочется, о чём спокойно говорю краснеющей девице. Прибавляю, глядя на чуть приподнятый подол платья:

— Ни в каком смысле.

Девушка явно не привыкла слышать, что кто-то её не хочет. Пылая от смущения и гнева ловко поправляет форму и пулей вылетает из номера. Люди!

На приёме всё торжественно, помпезно. Золото, хрусталь, мрамор. В угоду ведьмам кое-где стоят вазы с цветами, а в роскошном саду расставлены фуршетные столы с едой, услужливые официанты сносят с подносами шампанского, покорные доноры сидят в специальной комнате в ожидании эйфории от укуса, а прибывающие ведьмы так и искрят в надежде встретить того самого.

— Хорошенькие, — раздаётся голос Феликса Хааса над самым ухом.

— Бесшумный Феликс, — расплываюсь в довольной улыбке. — Я просто сделал вид, что тебя не заметил.

— Ну конечно, великий Арес Илидис, ты просто подыграл, — улыбается приятель. — Шампанского? — кивает на официанта.

— Пожалуй.

Мы чокаемся и выпиваем за встречу.

— Всё же приехал, неужели поверил? — глядя куда-то в толпу, спрашивает друг.

— Это жест вежливости, всего лишь. Подумываю взять амори через пару месяцев.

— Ого, — присвистывает Феликс. — Кто же эта несчастная?

— Мойра.

— Так и думал, — кивает приятель. — Всё-таки дождала она тебя.

— Скорее, я её, — усмехаюсь. — Она так хочет стать моей амори, что согласится на всё. Думаю, пункт насчёт измен не вызовет бури в её хорошенькой головке. К тому же я собираюсь дать свободу и ей. Невозможно ведь трахаться десятилетиями с одним и тем же партнёром.

— Расскажи об этом Майклу, — криво усмехается Феликс. — Я тут недавно был у них с Корой, пришлось остаться на несколько дней, так они до сих пор трахаются почти каждую ночь, да ещё и только вдвоём, не зовут никого в супружеское ложе.

— Какая скукота, — я беру второй бокал. — А ведь Майкл был тем ещё ходоком.

— Ага, полтора века назад, пока не встретил Кору. Они мне постоянно талдычат, что когда придёт моё время, то я стану таким же и пойму всё.

— Веришь в это?

Что-то мелькает в холодных, почти прозрачных глазах:

— Может, и верю. Виктор Морено, Владимир Росич. Кора с Майклом тоже считают себя истинными.

— Что же они до сих пор ребёнка не родили? — не выдерживаю я.

— Я задаю тот же вопрос, — Феликс смотрит куда-то в сторону, словно избегая чего-то, и говорит: — Хотел расс...

— Приветствую! — нас прерывает высокая статная ведьма в компании двух прелестных девушек. — Мы семья Лисс!

— Очень приятно, — я склоняю голову, умело скрывая раздражение. Эти показные смотрины кажутся таким фарсом, что мысленно даю себе слово больше никогда не присутствовать на подобных мероприятиях.

Мы начинаем сыпать приветствиями, ведём светские разговоры о погоде, обсуждаем чудесную организацию приёма.

«Интересно, — думаю я, наблюдая, как отчаянно пытается флиртовать со мной хорошенькая блондинка, — отправлял ли я когда-нибудь на костёр кого-то из твоего клана?»

Когда семья Лисс уходит знакомиться с другими женихами, я выдыхаю.

— Арес, — улыбается Феликс, — вечер только начался.

— Мне нужно напиться, — я смотрю на приближающихся к нам других ведьм, явно угадывая их намерения познакомиться.

Фарс продолжается: фальшивые улыбки, призывные взгляды, откровенные декольте. Время тянется, словно вечность.

— Лучше бы я остался в Афинах, — вздыхаю, глядя на очередную группу красоток, бросающих на нас недвусмыс-

ленные взгляды.

— Ты пользуешься популярностью, — сардонически усмехается друг, — о тебе шепчутся, видимо, опасность возбуждает их. — Наслаждайся!

— Идиотки, — цежу сквозь зубы, — им что, нравится думать, что они могут стать истинной Ареса Илидиса? Ведь все знают, кто я и чем занимался раньше. Или есть ещё один Арес?

— Ну грека, которого занесло в средневековую Испанию, чтобы отправлять ведьм на костры, ни с кем не спутаешь, — хмыкает Феликс. — Тут можешь не надеяться.

— Я пошёл, придумай что-нибудь, — бросаю я и, глядя на смуглую красавицу с пухлыми губами и призывной улыбкой, шагающую прямо к нам, поворачиваюсь и быстро ухожу за золочёные двери в полумрак длинного узкого коридора. «Отсижусь в кабинетах!» — думаю я, направляясь в сторону частных комнат.

Внезапно открывается тяжёлая дверь, и девица, вылетающая оттуда, чуть не сбивает меня с ног. В нос неожиданно ударяет пряный аромат желания, мускус, сандал, что-то ещё, неуловимое и приятное, словно девушка окурила себя благовониями. Она почти падает, и я машинально ловлю её за тонкую талию. В то же мгновение чувствую, как нутро опалает, как тело откликается на близость девчонки, словно узнаёт кого-то.

— Аккуратнее! — что-то непонятное происходит со

мной, и я не тороплюсь убирать руки.

— Вы тоже! — голос незнакомки звучит дерзко и просто сочится ядом.

— Хм-м, — усмехаюсь. «Сейчас узнает, кто я такой, и начнёт приставать!» — почему-то отчаянно хочется увидеть перемену в лице строптивицы.

— Посмотри-ка на меня, девочка! — стараюсь скрыть усмешку в голосе.

Она поднимает голову, и я замираю, встретившись с огромными синими глазами. Пронзительными глазами. Подмечаю красивое открытое лицо, скромную причёску, отсутствие макияжа, чуть сжатые в недовольстве губы. По телу пробегает разряд. Я словно знаю её, хоть и не видел ни разу. «Кто ты такая? Откуда?» — пытаюсь понять и просканировать ауру девушки.

Вслух же говорю:

— Арес. А вы?

— А я всего лишь прислужница, — в голосе строптивой красотишки звучит такой коктейль из злости и дерзости, словно она из староверок-ведьм, что ненавидят вампиров.

Это задевает ещё больше.

— Будьте повежливее, юная леди! — натыкаюсь на внутренний барьер, невидимую защиту и не могу просканировать её ауру. Это сильнее распаляет любопытство.

— Извините! — вежливые слова звучат по-прежнему дерзко. Неуважительно. Кажется, она сейчас плюнет мне в

лицо.

А потом она и вовсе приводит меня в бешенство. Отстраняется и быстрым движением отпихивает мои руки, поправляет сумочку и звенящим голосом нарушает все условные приличия:

— Извините, конечно, что вы всего лишь налетели на меня, когда я спокойно выходила из уборной. Ещё тысяча извинений, что не приседаю в реверансах, лишь бы угодить! И не надо меня сканировать, я и так всё скажу! Видно же, что я прислужница и интереса для вас не представляю. У меня нет дара и ребёнка от вампира не рожу!

От этой гневной отповеди ярость закипает внутри ещё сильнее. Я готов прижать её к стенке и...

«Да ну, бред! Что на меня нашло?» — кое-как овладеваю собой, пока пигалица, задрав нос и стуча каблучками, быстро уходит из-под носа.

Скромное длинное синее платье колыхнется вокруг тонкого стана. Странно, обычная девчонка, а меня пробрало так, что не могу оторваться от изящной фигурки спешно удаляющейся по длинному тёмному коридору.

«Нужно выяснить, кто она такая!» — не могу перестать думать о загадочной незнакомке и ищу Феликса, который обычно всё про всех знает. Попутно выискиваю взглядом эту девушку, что так и не потрудилась представиться.

Меня отвлекают многочисленные приветствия, официальные расшаркивания, и на поиски уходит добрая половина

вечера. И всё же в саду я нахожу Хааса. Тот со скучающим видом спешит ретироваться от молоденькой ведьмы.

— Что, вышел на свет? — усмехается друг.

— Соскучился! — усмехаюсь в ответ. Столкнулся тут с одной девицей, хочу разузнать, кто она.

— О-о-о, — многозначительно вскидывает брови вампир, — какой-то юной ведьме удалось-таки привлечь твоё внимание?

— Прислужница, — цежу сквозь зубы. — Невежливая, невоспитанная и...

— И зацепила тебя! — смеётся тот. — Пошли, поищем её, и я расскажу тебе всё о её семье. Хотя, зачем? Прислужницы же пустышки, ребёнка она тебе не родит.

— Я просто хочу разузнать, — терпеливо объясняю, поражаясь самому себе. Желание найти строптивницу перевесило обычную мою скрытность, и я терпеливо сношу шутки Хааса.

Мы скользим сквозь толпу, Феликс фыркая расспрашивает, как выглядела «казноба».

— Что, вот так и сбежала? — недоверчиво качает головой, дослушав короткий рассказ о столкновении в коридоре. — Надо же, хоть кому-то наплевать на тебя.

Кажется, я сейчас начну скрипеть зубами.

Между тем девушки нигде нет. Мы забредаем в дальнюю часть сада и натываемся на нечто странное: в шатре стоят полупустые бокалы с шампанским, а под столом валяется жен-

ская туфля.

— Здесь явно что-то произошло, — тянет Феликс.

— Я думаю, — разглядываю бокал с осадком на дне, — здесь опоили и похитили ведьму. А точнее, несколько ведьм, — принимаюсь. — Да, мы использовали похожие составы в средневековье, чтобы заблокировать их силу.

В голове вдруг начинает стучать, словно в затылок больно ударили, а в сознание проникает чей-то отчаянный страх.

«Что за чертовщина?» — я различаю в этом потоке нотки паники и понимаю, что в моё сознание проникают чьи-то чувства и эмоции. И почему-то кажется, что я знаю чьи. Перед глазами мелькает хорошенькое личико с синими пронзительными глазами...

— Нужно сообщить Бранту, — я набираю номер организатора приёма и сообщаю о наших подозрениях.

Пока помощники организатора спешат к нам, замечаю слегка примятую траву, уже почти поднявшуюся, после того как по ней прошли, едва заметные поломанные травинки и чью-то сумочку поодаль. Сомнения становятся осязаемыми и перерастают в стойкую уверенность: от сумочки исходит едва уловимый и уже такой знакомый аромат дерзкой прислужницы.

В её сумке вибрирует глоффон. Я не церемонясь достаю его и вижу на экране то, что заставляет почувствовать давно забытую ревность: «Малыш, я на нашем месте, всё готово. Жду не дождусь ночи, чтобы поцеловать твои сладкие губы, при-

ходи скорей».

Я таращусь на голубой экран глофона и нахожусь в шаге от того, чтобы не раздавить тонкий, не толще паутины мерцающий в темноте диск.

— Нашёл чью-то сумку? — раздаётся над ухом голос бесшумного Феликса.

— Чёрт тебя дери! — вздрагиваю, чувствуя, как напряжён. — Да, валялась в кустах. Тут точно было похищение. Не знаю, как в наше время кто-то может оставить глофон и уйти.

— Солидарен, — коротко кивает Феликс. — А вот и Брант.

Из-за деревьев показывается организатор мероприятия, за ним следует встревоженная темноволосая ведьма и пара человек из персонала.

— Что здесь произошло? — голос Высшего вампира напряжён.

— Думаю, похищение, — спокойно глядя в глаза, отвечаю я. — Мы нашли туфлю под столом, сумку в кустах и бокалы из-под шампанского. В нём ведьмин сон.

При последней фразе темноволосая ведьма вздрагивает и бросает на меня удивлённый взгляд:

— Видно, вы хорошо знакомы с тем, как успокоить ведьму.

— Слишком хорошо, — киваю я и выдерживаю неожиданно тяжёлый испытующий взгляд. — Арес Илидис, —

склоняю голову.

— Маргарита Марани, — не отрывая пристального взгляда, произносит ведьма. — Глава дома Марани.

— Очень приятно.

— Уже час, как я не могу найти трёх дочерей. Могу я взглянуть на сумку? — на лице говорящей мелькает тень озабоченности.

— Конечно, — протягиваю ей сумку, в которую успел положить глофон. — Знакомый предмет?

— Да, — сжав зубы, цедит Марани. — Это сумка Лауры, прислужницы, одной из моих дочерей, у которой ещё нет дара. Она сопровождала Джесс и Нину.

— Вот туфля, — Феликс протягивает серебрящуюся в ночном свете изящную обувь.

— Нет, — отрицательно качает головой ведьма, — это не наше. Значит, были ещё девушки.

«Массовое похищение... Зачем? Кому нужны ведьмы в таком количестве?» — начинает работать охотничий инстинкт.

— Нужно начинать поиск! — перевожу взгляд на Бранта. — Немедленно!

— Конечно, — кивает тот, — и отдаёт несколько приказаний ассистентам.

— Я посмотрю камеры, дайте доступ, — не терпящим возражений тоном продолжаю отдавать приказы, словно это мой приём и мой дом.

— Конечно, буду признателен за помощь в этом... инциденте, — голос Бранта звенит от напряжения, видно, что старый вампир прикидывает последствия произошедшего и чем ему грозит исчезновение нескольких ведьм прямо из-под носа на приёме такого уровня. — Это катастрофа, — шепчет он, пока ведёт нас с Феликсом, вызвавшимся помочь. — Ведьмы и Верховный просто сожрут меня.

Феликс закатывает глаза и явно наслаждается остротой ситуации.

Если бы не строптивая и манящая Лаура, похищенная вместе с остальными, я бы первый отпускал колкости и шуточки по поводу происходящего, но эта девица спутала мне все карты. Последние пару часов я не узнаю самого себя.

Мы смотрим камеры, тщательно проматывая интересные нас дальние выходы. В сознании мелькает картинка, словно я вижу её чужими глазами. Темнота, вспышка света, холодный пол, ощущение тряски. Словно кого-то везут в закрытом грузовике.

— Откройте-ка камеры на входах с подъездами для грузового транспорта, — бросаю я охране.

Те спешат выполнить поручение, и я проматываю записи, тщательно вглядываясь в бликующие экраны.

Одна из машин кажется подозрительной. Слишком крепнит её закрытый кузов, слишком проседают колёса.

— Увеличь, покажи номера, — команду я.

Номера на машине поддельные. Это видно с первого же

взгляда.

— Вот и наш похититель, — я отодвигаюсь от мутноватого экрана. — Нужно пробить грузовик по всем ближним камерам. Отправьте куда нужно цифровую фотографию, да побыстрее, время не на нашей стороне.

— У меня есть связи... Сейчас! — Брант набирает кого-то, быстро объясняет ситуацию, и на другом конце [М.1] начинается работа по отслеживанию.

Тем временем помощник Высшего сооружает доску с фотографиями похищенных. Восемь молодых ведьм и одна прислужница.

С фотографии на меня глядит Лаура, ослепительно красивая, солнце блестит на тёмном шёлке волос, и она кажется сияющей, сотканной из солнечных лучей и чего-то волшебного. Настоящая ведьма. Я пытаюсь отвести взгляд от дерзкой улыбки и чуть прищуренных лукавых глаз, но безуспешно.

«Жду не дождусь ночи, чтобы поцеловать твои сладкие губы», — кровь внутри бурлит, разносится рекой ревности, заставляет чувствовать себя воздыхателем, что борется за внимание безразличной девы.

«Эти губы буду целовать я!» — крепнет внутри уверенность, смешанная с таким желанием, словно я не трахался целую вечность.

— Что, твоя зазноба? — шелестит Феликс, улучив момент.

— Может, и так, — бросаю ему. — А возможно, мой трофей, который нужно спасти.

— Ох уж это средневековье, — хмыкает друг, — ничем его из вас, старичья, не выгонишь.

— Сопляк! — невольно улыбаюсь старой как мир шутке приятеля.

В носу стоит противный запах гари, смешанный с лесом, навозом и опасностью. И снова это не мои ощущения.

«Неужели она посылает мне образы? Но как? Ведь мы лишь столкнулись в коридоре и тут же разошлись. Лаура даже не потрудилась представиться... — барабаню пальцами по столу и пытаюсь понять, что происходит. — Лаура... Лаура... — несколько раз мысленно повторяю нежное имя строптивицы. Оно звучит словно музыка, проникает в потаённые уголки, заполняет всё существо собой. — Что за чертовщина со мной происходит?»

Через бесконечно долгий час мы получаем информацию о похожем грузовике, но уже с настоящими номерами, который заправлялся на дальней загородной трассе.

— Он зарегистрирован на прокатную компанию. Мы с ней связались, они не могут отследить транспорт, связь потеряна, — рапортует невзрачный пожилой мужчина с военной выправкой. Видно, толк в таких делах знает.

— Нужны бойцы с оружием и несколько вместительных машин. Едем! — бросаю я. Дух азарта и погони смешивается с беспокойством и желанием увидеть Лауру.

— Мы ведь даже не знаем, куда именно ехать от той заправки, — возражает Феликс.

— Мы работаем над этим, наш человек проверяет все камеры, — лепечет Брант. Высшего просто трясёт, кажется ещё минута, и он упадёт в обморок, словно обычный смертный.

— Сельская местность, — я вспоминаю стойкий запах гари и навоза.

— Однозначно, — блестя глазами, соглашается невзрачный человек с военной выправкой. — Там и трекеры не ловят, и легко спрятать похищенных в каком-нибудь старом сельском доме. Мы отработаем всё, что есть в этой глуши, пока вы доберётесь до той заправки.

— Действуйте! — я пристально смотрю в глаза человеку и вижу не меньший, чем у меня азарт погони. — Держите связь со мной напрямую!

— Есть, — просто кивает мужчина, и записывает мой личный номер. — Я Вик.

— Очень приятно, Арес, — я пожимаю сухую жилистую руку.

Через несколько минут мы несёмся по ночной дороге, выходящей на загородную трассу.

В голове мелькают тени, образы, леденящий ужас.

«Быстрее, быстрее!» — кричит нутро.

От Вика приходит сообщение с координатами двух сельских домов поблизости. Чутьё охотника ведёт меня к тому,

что дальше от трассы.

И я не ошибаюсь.

Уже на повороте чувствую запах гари. Точь-в-точь, как в видении от Лауры.

Мы оставляем машины чуть поодаль и, спешившись, идём к дому. На гравии видны следы шин. Мы точно прибыли по адресу.

Навстречу нам выбегает мужчина в камуфляжной форме, пытается закричать, но его снимают тихим выстрелом.

Поздно, нас заметили.

И начинается бойня. Тихий сельский старый дом оказывается наспигованным бойцами с оружием, словно кто-то тщательно готовился к возможному нападению.

Сквозь вспышки выстрелов и крики, мы идём к цели, к дому, где держат девушек.

Когда глазам открывается комната с привязанными к кроватям девушками, то меня словно накрывает пелена гнева и отвращения. Кто мог сотворить подобное? Взгляд падает на девицу с задранной юбкой, обнажающей белые нежные бёдра, на внутренней стороне которых отчётливо виднеются синяки и кровь. Меня передёргивает.

«Лаура, где ты?»

Я оглядываюсь в поисках той, что не даёт покоя последние несколько часов, и вижу девушку с расстёгнутым на груди платьем и задранный подол.

Она без сознания, её руки связаны так же, как и у других.

Длинные тёмные пряди волос выбились из скромного пучка прислужницы, лицо бледное, кончики пальцев подрагивают, словно и забытьё у неё тревожное.

Внутри холодеет: «Что же они с тобой сделали?»

Всё моё существо стремится к Лауре, я отвязываю её от кровати, прикрываю грудь распахнутым платьем, одёргиваю длинный подол, вытаскиваю кляп изо рта и беру на руки, прижимаю к себе, ощущая хрупкую невесомость девушки. Кажется, она приходит в себя: трепещут ресницы, дыхание становится чуть более неровным, а сердце бьётся, как сумасшедшее. Судя по всему, девушка в ужасе.

— Не бойся, — шепчу в попытке оградить её от происходящего вокруг безумия и обнимаю крепче.

По нежным бледным щекам катятся слёзы. И за каждую эту слезинку я готов уничтожить того, кто затеял всю эту грязную аферу с похищением ведьм.

— Не плачь, милая, — продолжаю идти и едва сдерживаюсь, чтобы не поцеловать её в растрёпанные длинные волосы. Вместо этого прикасаюсь к блестящим тёмным прядям. Синие глаза в удивлении распахиваются, по лицу пробегает тень узнавания.

Где-то за плечом раздаётся взрыв, я по инерции ухожу от волны, прикрываю Лауру. Краем глаза вижу, как другие бойцы впереди несут девушек, мы в самом хвосте. Слишком много времени ушло на поиск именно той, за кем я пришёл сюда.

«Быстрее, быстрее!» — подгоняют инстинкты.

Затем гремит совсем рядом, словно кто-то бросил гранату, раздаётся характерный шум с присвистом. Я вижу, как дрожь боли и страха пробегает по бледному лицу, и кричу: — Лаура, Лаура... не закрывай глаза, я вытащу нас!

Но она теряет сознание от оглушительной вспышки света, словно мы оказались в самом эпицентре взрыва. Сверху сыплются крошки штукатурки, мелкие острые куски кирпича, повсюду пыль. И всё же я продолжаю движение к спасительному выходу.

Последнее, что успеваю сделать, услышав звук обваливающегося кирпича, — пригнуться, закрывая хрупкую ношу собой.

Глава 3. Благословение

Арес

Я всё же делаю пару нетвёрдых шагов под падающим перекрытием и оказываюсь в уличной пыли. Позади рушится старое строение, с грохотом погребая под собой всех, кто не успел.

— Ты как? — читаю по губам Феликса. Из его уха сочится кровь. Видимо, из моих ушей тоже, потому что справа пошнее стекает что-то липкое и пока что ни черта не слышно.

— Не слышу тебя, — то ли говорю, то ли кричу.

К нам подбегают люди в белых халатах. «Экстренная внутренняя служба», — догадываюсь я, глядя, как ловко спасённых девушек кладут в бежевые машины со значком частной службы спасения. «Молодец, Вик, — устало сажусь на бордюр и закуриваю, — хорошо всё организовал».

Ко мне подходит Феликс с пакетом донорской крови в руках. Слов не нужно, я быстро затягиваюсь, тушу окурочек и выпиваю пакет несколькими жадными глотками.

Слух тут же возвращается.

— Получше? — слова друга немного бьют по перепонкам каким-то резким скрежетом, но звук отчётливый.

— Да, — делаю выдох. — Наконец-то слышу твой мерзкий голос.

— И по-прежнему не умеешь шутить, — закатывает глаза

друг. — Уж не знаю, какой крови тебе надо выпить, чтобы исцелить чувство юмора. Чтоб ты знал, все мои красотки в восторге от моего баритона.

— У них в принципе дурной вкус, если они клюют на тебя! — неожиданно для себя улыбаюсь.

Эти перепалки с Феликсом всегда поднимают настроение, жаль, что друг постоянно занят семейными интригами, а я веду закрытый образ жизни и редко куда-то выбираюсь из своего сектора.

— Ну а что насчёт твоего вкуса? — вкрадчиво произносит старый интриган. — Чувствую, ты серьёзно запал на эту прислужницу.

— Может, и запал, — не хочу играть в игры с другом: нет сил. — Хочу понять, что в ней такого. Когда мы ехали я почувствовал её эмоции, чувства.

— Чувства прислужницы, с которой просто столкнулся в коридоре?

— Да, и я хочу разобраться, что за чертовщина творится.

— Майкл и Кора сказали бы, — вампир смотрит в пустоту куда-то мимо меня, — что ты встретил истинную.

— Да ну, какая истинная, — чувствую непонятный отклик. — Возможно, обмазалась каким-нибудь снадобьем, что-то приняла, чтобы привлечь внимание.

— Она пустышка, — качает головой, — снадобье ей не изготовить, а две симпатичные молодые ведьмы, которых она сопровождала, явно не позволили бы прислужнице, пусть да-

же и сестре, затмить их.

Я вспоминаю сообщение от некоего Салима, полное страсти и вожделения, и всякая мысль о том, что дерзкая чертовка приманила меня снадобьем отпадает. Нет, никто из тех, кто был на приёме, не был нужен дерзкой красотке. У неё явно были совсем другие планы на продолжение вечера. «Почеловатать твои сладкие губы», — сообщение так и стоит перед глазами.

Салим, тебе придётся подождать, сначала я разберусь что в этой сладкой и дерзкой малышке заставляет меня ревновать, чувствовать её эмоции и... вожделеть.

Феликс тихо смеётся.

— Ну и влип же ты. Держу пари, встретил истинную!

— Я не буду спорить, — увиливаю.

Достаю очередную сигарету и замечаю, какие же грязные манжеты у рубашки. На пальцах грязь, пыль от взрыва. Феликс выглядит так же потрёпано.

— Мне нужно переодеться, — закуриваю. — И ещё крови. А потом поеду в больницу, куда отвезли спасённых.

— Куда отвезли твою Лауру...

— Да, — вздыхаю, — куда увезли Лауру. Ты поедешь?

— Нет, у меня другие дела. На самом деле я тоже кое-кого искал на приёме, — медленно, взвешивая слова, произносит Феликс. — Но её там не было.

— Её?

— Да, — он отряхивает серые брюки от белёсой пыли. —

Одну воровку. Она как раз специализируется на подобных мероприятиях. Думал, встречу её на этом приёме, но ошибся. Хотя и так получилось весело, — вампир хмыкает, — и с огоньком.

— Тебе нужна помощь? Она что-то украла у тебя?

— Мою гордость, — морщится друг, — и покой. Но я справлюсь, поищу её сам. Если не получится, обращусь к тебе.

— Смотри, — отмечаю, как сжимаются челюсти, словно Хаас старается сдержать какой-то внутренний порыв, — если я чем-то могу помочь, дай знать.

— Обязательно, — друг кивает. — Ты только разберись с собой сначала, точнее, — голос снова становится шуточно-ехидным, — с одной малышкой, что растревожила твоё сердце.

— Я разберусь, — киваю, преисполненный решимости. Раздаётся звонок. Мария, сестра Верховного Морено.

Я чертыхаюсь, Феликс присвистывает, увидев экран моего глофона.

— Доброй ночи, — раздаётся холодный голос.

— Приветствую.

— Мы узнали о происшедшем. Благодарим за своевременное вмешательство и спасение похищенных.

— Я просто оказался в нужное время в нужном месте.

— Тем не менее вы сделали должное, — голос чуть теплее. — Верховный Морено просит вас расследовать данный

инцидент. Им, естественно, заинтересовались и ведьмы, а у вас, хм-м, большой опыт в общении с ними.

— Куда уж больше, — морщусь от напоминания о бывших заслугах.

— Мы бы не хотели конфликта, — продолжает Мария. — Нам нужен кто-то опытный и кто-то из наших в расследовании этого дела.

Я вспоминаю о Лауре и быстро извлекаю выгоду.

— Я хотел бы получить особый доступ к спасённым, а именно побеседовать с каждой лично.

— Это можно устроить. Мы даём вам разрешение на любые действия в интересах расследования. Ведьмы будут уведомлены о ваших особых полномочиях, Высший Арес.

— Отлично, готов приступить прямо сейчас.

— Благодарю! Связь будете держать со мной.

После завершения разговора у меня словно вырастают крылья. Что ж, Лаура, очень скоро мы побеседуем с тобой. Теперь уж я могу заявиться в твой дом, у меня есть очень веская причина, чтобы увидеть тебя.

Огонь предвкушения пробегает по нервам, оголяя их и заставляя желать девушку так, словно она единственная женщина на свете.

Под задумчивым взглядом Феликса я сажусь в подъехавший гломобиль и уезжаю в отель.

В машине меня ждёт пакет ещё тёплой донорской крови моей любимой группы.

«Они знали, что я не откажу», — хмыкаю, опустошив прозрачный пакет.

Смываю с себя гарь, копоть и переодеваюсь в чистый костюм. За окном занимается рассвет.

Я сажусь в гломобиль и еду в больницу. К Лауре. Всё внутри дрожит от приятного предвкушения встречи.

В больнице меня ждут печальные новости. Под обломками осталась одна девушка. Сдвинув покрывало с лица, узнаю ту самую несчастную, что видел связанной неподалёку от Лауры. Мертвенно-бледное лицо и синяки.

— Её жестоко изнасиловали, — докладывает усталый врач с мешками под глазами. — Об этом свидетельствуют множественные разрывы и, хм-м, состояние половых органов.

— Ещё кого-то изнасиловали? — всё внутри замирает в ожидании ответа.

— Да, ещё двоих, — врач морщится. — Но они живы и восстанавливаются. К ним можно будет зайти чуть позже, после обеда. Их состояние стабильно, плюс их родные, — мужчина слегка кривится, — прибегают к особым методам лечения. А эту девушку просто поздно вытащили, она оказалась в эпицентре взрыва.

Я морщусь: «Двоих я бы не унёс... Кто-то другой тоже. Это игра судьбы, ей не повезло».

И всё же на краткий миг чувство вины пытается проникнуть в душу. Я ловко отмахиваюсь от него: «Естественный

отбор, вот и всё».

— А что с Лаурой Марани, — спрашиваю, чуть помедлив.
— В каком она состоянии?

— Она и её сёстры почти не пострадали. Их осмотрели и отпустили домой пару часов назад.

С души словно камень сняли. С Лаурой всё хорошо. Я успел.

Дверь с шумом раскрывается, словно от невидимого ветра, и в палату влетает седая с всклокоченными волосами женщина:

— Марьяна, милая...

Она видит откинутую простыню и замирает. А затем раздаётся жуткий, леденящий душу крик, словно где-то кричит банши:

— Моя девочка-а-а... — голос ведьмы похож на жуткий визг. Горе женщины неподдельно.

А затем происходит странное: глаза женщины вспыхивают золотом, она замирает. По палате расползается холодная давящая тишина. Звуков просто нет, словно все они утекли в невидимую яму, воронка которой засосала даже треск старомодной лампочки Ильича под потолком.

В ушах странный отзвук. Врач кривится, словно от боли. Я не могу пошевелиться, будто невидимая, но осязаемая тишина раздавила волю, сковала тело.

— Ты не спас её! — голос ведьмы свербящим зудом проникает в мозг. — Я всё вижу. Ты побежал спасать пустышку!

Я смотрю во все глаза, но она просто открыла односторонний ментальный канал. Её губы не шевелятся, а глаза продолжают полыхать, только золото теперь отдаёт чернотой, словно свечение медленно смешивается с чёрной бездной.

— Ты не спас мою девочку... — её лицо синеет, морщины проступают отчётливее. — Будь же ты проклят! Твоя истинная не полюбит тебя. Твоя истинная ничего не почувствует, ты будешь врагом для неё. А ты... Тебе не будет жизни без девочки, — глаза закатываются и становятся угольно-чёрными. От волос ведьмы исходит слепящее сияние.

— А-а-а! — руки ведьмы делают странные движения, словно перебирают невидимые нити. — Спасённая пустышка — твоя истинная... — почти фиолетовые губы кривятся в усмешке. А затем старуха делает быстрое движение руками, будто собирает невидимые глазу нити и разрезает их. Каждое движение даётся ей всё труднее и труднее, она двигается как пьяная и кажется, что жизненные силы вот-вот покинут тело.

— Будь проклят ты и твоя девка!

Ультразвук прекращается, ведьма неуклюже падает тяжёлым кулем, врач пошатывается, ловит воздух, опирается о стену.

Глаза старухи покрываются белёсой плёнкой, и она шепчет:

— Я желаю тебе не найти лазейку и страдать. Мой род закончен вместе с Марьяной, пусть и твой оборвётся!

Она содрогается и закрывает глаза. Из опущенного краешка рта стекает тёмная, почти чёрная струйка крови.

И всё резко заканчивается. Я чуть покачиваюсь, но всё же иду к без сомнения мёртвой ведьме.

— Что это было? — голос мужчины в белом халате дрожит.

— Проклятие, — чувствуя тяжесть, всё же сажусь на стул. Прикасаться к ведьме не хочется. — Меня в очередной раз попытались проклясть.

Это происходит не в первый раз. Сколько ведьм пало во времена инквизиции благодаря моему содействию. Что-то неуловимо-притягательное есть во мне, что-то, благодаря чему они летели и летят ко мне, словно мотыльки на свет. Свет, от которого им предстояло сгореть дотла. Я морщусь и отгоняю непрошенные воспоминания о тех, кто пытался проклясть меня, и подхожу к лежащей на полу старухе.

Да, она мертва. Видно, потратила много сил и принесла себя в жертву ради мести. Это может значить только одно: проклятие удалось. Впервые за всё время.

Ещё никто и никогда не был так силен и так одержим, чтобы суметь проклясть меня. Этой банши, видно, было нечего терять. «Последняя из рода», — озаряет меня понимание. Ну конечно! Ради такой мести они на всё готовы.

Я быстро принимаю решение и набираю Вика.

— Приветствую, — раздаётся спокойный голос.

— Здравствуйте. Мне нужен ассистент для расследования

произошедшего. Если вы согласитесь, буду рад поработать с вами.

— С удовольствием, — с нескрываемой радостью произносит мужчина. Я знаю всё обо всех, кто был на приёме. О ведьмах, о вампирах. И буду рад заняться настоящим делом. Нужно только уладить вопрос с Высшим Брантом.

— Считайте, всё уже улажено. Именно такой человек, как вы, мне и нужен. Оплата за ваши услуги будет щедрой.

Я рад, что не ошибся в выборе. Нутром почуял, что именно Вик будет тем самым незаменимым помощником в этом непростом деле. Он уже посвящён в существование ведьм, которые всё ещё остаются в тени от людских глаз.

— Я сейчас отправлю тебе фото. Пришли мне отчёт по этим ведьмам. А также прямо сейчас отправь адрес семьи Марани.

Через пару минут я окончательно прихожу в себя и отправляю фото старухи новому ассистенту. Прощаюсь с патологоанатомом и направляюсь в дом интересующей меня особы.

Образ Лауры вытесняет все мысли о проклятии и произошедшем. Сейчас важна только она, и всё моё нутро рвётся к ней. И всё же слова умирающей ведьмы про истинную, проклятые и лазейку выплывают на поверхность, когда я выхожу из гломобиля и направляюсь к ухоженному дому семьи Марани.

«Несколько часов назад тебя накрыл взрыв. Потом про-

кляла ведьма. А ты можешь думать только о строптивой невоспитанной девчонке. Помчался к ней в дом, как сопливый юнец под благовидным предлогом, даже не побеседовав с остальными жертвами и свидетелями произошедшего, — отчитываю себя. — Так ведь и она свидетель, — ехидно напоминает внутренний голос, пока нажимаю кнопку звонка. — И её сёстры. Вот и поговоришь с ними».

Дверь открывается, и Маргарита, с которой я познакомился накануне, выглядит гораздо более приветливой, чем во время нашего знакомства.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, — она проводит меня в гостиную, словно почётного гостя.

— Чай, кофе?

— Нет, благодарю. Я пришёл, чтобы побеседовать с вашими дочерьми.

— Джесс и Нина сейчас спят, они немного слабы после зелья. А вот Лаура обошлась без помощи, с ней всё хорошо, и дрянь, которой девочек опоили, на неё не повлияла.

— Ведьмин сон, я думаю, это был он. А на Лауру не повлияло, потому что у неё ещё нет дара.

— Возможно, — в голосе ведьмы звучат задумчивые нотки. — Если честно, я думаю, что к ней и не придёт дар. Таких поздних случаев почти не было. Ей скоро двадцать, и она рискует так и остаться... пустой.

— Она транслировала мне свои чувства и образы, — неожиданно для себя чувствую гнев от проскользнувшей жа-

лости.

— Вы уверены? — глаза женщины округляются.

— Уверен. Именно она помогла мне найти ориентир.

— Что между вами было? — вкрадчиво спрашивает старая чертовка.

— Ничего. Мы лишь столкнулись в коридоре, не более.

— Интересно, — она вглядывается в моё лицо, словно не верит. — И девочка без силы и дара открыла ментальный канал с Высшим вампиром... Звучит так, будто вы что-то не договариваете.

— Например? — чувствую, как внутри зарождается гнев. Да что она себе позволяет!

— Ну, зная вашу репутацию, — тянет женщина. Я так и вижу, как щёлкает невидимый счётчик у неё в голове, что-то прикидывая.

— А что с моей репутацией? — в голосе звенит холодная сталь. Учтивость быстро улетучивается, хоть я и собирался быть любезным. Видимо, не выйдет.

— Ваша репутация опасна, ваши победы на любовном фронте всем известны, и перед приёмом все девушки только и говорили о вас, — просто отвечает ведьма. Просто обезоруживает искренностью и прямоотой.

— Я приехал на приём из вежливости, — пытаюсь спасти ситуацию, — у меня... — хочу сказать про Мойру, свою будущую амори, но осекаюсь.

«Вот это ты молодец, — хохочет внутренний голос, —

расскажи матери соблазнительной чертовки, с которой хочешь познакомиться поближе, что у тебя есть постоянная любовница!»

— Что у вас? — голос ведьмы сочится холодной вежливостью.

— На этом приёме у меня не было никаких телесных контактов, — вспоминаю столкновение с соблазнительной Лаурой и уточняю, — интимного плана.

«Какого чёрта я оправдываюсь перед ведьмой?! Словно юнец, который просит отпустить девушку на свидание!» — вскипает кровь.

Едва сдерживаю kloкочущую ярость и самым вежливым голосом, на который способен, произношу:

— Более того, я очень удивлён этой странной связью и хотел бы понять, что произошло. Никогда и ни с одной женщиной у меня такого не было. Это наводит на определённые мысли...

— Вы что же, подозреваете нас в воздействии? — бледнеет от гнева лицо Маргариты.

— Нет, пока нет. Но хотел бы побеседовать с девушкой и понять, что было в момент похищения.

— Пройдёмте, — бросает ведьма дрожащим от ярости голосом, и она даже не оборачивается, уверенная, что я следую за ней по пятам.

Так и есть, всё внутри рвётся к Лауре, и я бегу за старой ведьмой голодным псом, которого поманили косточкой.

Мы входим в просторную светлую комнату с большим окном, синими цветами на стенах и простой деревянной мебелью. Я вдыхаю запах девушки, и нутро щекочет, горит, словно внутри был заряд пороха и кто-то поднёс спичку. Вот-вот и взорвётся. Я делаю шаг, не в силах оставаться на расстоянии от прекрасного создания.

Лаура что-то увлечённо читает, откинувшись на подушках. Тёмные волосы разметались по плечам, придав ей ещё большей хрупкости, чем мне запомнилось. Едва она поднимает на меня глаза, то вздрагивает. Книга выпадает из тонких пальцев, девушка издаёт протяжный выдох, словно в лёгких заканчивается воздух, а затем глаза вспыхивают золотом и закрываются. Красавица теряет сознание.

Я не успеваю сказать ни слова. Лишь приближаюсь к ней и зачем-то беру за руку, словно это прикосновение мне сейчас жизненно необходимо.

Над нами вспыхивает золотой шар, быстро растёт, становится всё больше.

Маргарита ахает и делает шаг назад.

— Богиня, — беззвучно шепчет она.

А из золотого свечения появляется веточка. Она вытягивается, становится большой золотой тенью, похожей на дерево, чьи корни быстро оплетают наши руки. Невесомая золотая тень горячо греет, и я даже расслабляюсь, буквально чувствуя, как с моей души спадают многовековые замки. Те самые замки, что обеспечили моё выживание. Те самые замки,

что много лет назад сковали сердце льдом.

Я с ужасом понимаю, что настолько переполнен чувствами к незнакомке, которую вижу в третий раз в жизни, что готов встать на колени и попросить руки Лауры Марани. Сердце больше не подчиняется разуму. Сердце больше не под ледяным замком.

— Не может быть! — произносит благоговейным голосом глава семьи Марани. — Лаура твоя истинная.

С одной из золотистых веток падает яблоко. Золотое дерево пропадает, а я стою на коленях и пытаюсь сделать вдох. От накрывшей лавины чувств кажется, что дышать я уже не смогу.

Сердце пропускает удар, ещё один, я, наконец, вдыхаю, а затем сам удивляюсь тому, что произношу:

— Лаура Марани станет моей амори.

Это звучит как ультиматум. Я не прошу, а констатирую факт. И если понадобится разнесу весь дом Марани к чертям собачьим, лишь бы забрать Лауру.

— Безусловно, — Маргарита кивает на яблоко. — Это лучшее доказательство. Вас благословила сама Богиня. Вы уже наречённые, обряд единения почти состоялся по нашим традициям, Богиня явила себя, дала знак истинности, я свидетель тому. Теперь вы можете забрать Лауру и сделать своей амори по вампирским законам. Мы не будем против. Да и к тому же, — нехотя добавляет ведьма, — мы так вам благодарны за спасение наших девочек. Джесс, Нина... Если бы

не вы...

Это внезапное кроткое согласие, эта золотая тень, это яблоко и эта лавина чувств в груди выбивают у меня почву из-под ног, ведь я был уже готов к бою.

И всё же это произошло. Неожиданно для себя я получил наречённую ведьму или вампирскую амори. Или жену, если выражаться языком людей. Жену, которая и не знает, что её Богиня соединила нас. Жену, которая, как мне подсказывает чутьё, будет не в восторге от нашего союза.

— Можете называть меня Мэг, — добивает ведьма, бросаая быстрый взгляд, словно прощупывая меня, проверяя, как отреагирую.

Я лишь молча киваю.

«Твою-то мать, — ругаюсь мысленно, — Арес! Вот это ты влип!»

И всё же, когда глава дома Марани несколько раз терпеливо объясняет обморок Лауры явлением Богини и буквально за руку выводит меня из комнаты, я очень не хочу разлучаться с темноволосой красавицей.

Глава 4. Наваждение

Лаура

Звуки сирены, отблески мигалки...

Закрываю глаза, пытаюсь расслабиться, сбросить груз произошедшего.

Мне по-прежнему не верится, что я спасена. И не верится, что мой спаситель ненавистный Арес, про которого разве что глухая не слышала. Ведь именно этот красавчик, да уж, признаю, что он очень хорош собой, отправлял ведьм на костёр во времена инквизиции. Говорят, что он был такой приманкой.

«И я понимаю почему, — признаюсь самой себе. — Очень уж он хорош и... притягателен. Что-то неуловимое тянет к нему, словно он не такой как все, будто создан для меня.

«Лаура! — ругаю самоё себя. — Он не создан для тебя. Он — отродье дьявола. Ведьмовская гибель... Чертовски приятная, должно быть гибель...»

Закусываю губу и не могу понять, что со мной происходит. После того, как Арес нёс на руках спасая и кричал моё имя, что-то во мне изменилось. Точно невидимая пружина щёлкнула и распрямилась, привела в действие некий тайный механизм. Пытаюсь отбросить мысли о спасителе, но не удаётся.

Более того, я чувствую его руки на талии, на плечах, будто

он спасает меня ещё раз, и там, где вампир касался, расползаются тёплые всполохи, и я отчаянно хочу, чтобы он касался и касался ещё.

Вспыхиваю: «Лаура, ты мечтаешь о том, кого видела всего дважды, как какая-то героиня дешёвого бульварного романа. Он — вампир. Ты — пустышка. Между вами ничего не может быть. Баста!»

В больнице меня тщательно осматривают, берут кровь, а потом начинается магическая часть: ко мне приходит штатная целительница Эми.

— Ах, у вас ещё нет дара, — качает она головой.

— Да, — вглядываюсь в доброе усталое лицо женщины.

Обычно после того, как кто-то тыкает мне в лицо отсутствием способностей, я вспыхиваю спичкой и сыплю ругательствами, словно портовый грузчик, но сегодня на это нет сил, да и лицо целительницы не выражает жалости, презрения или любопытства. Она выглядит так, будто что-то знает о подобных случаях, когда девице уже почти двадцать, а даром и не пахнет.

— Вы уже видели подобные случаи? — вырывается у меня.

— Да, пару веков назад, — кивает она.

— И чем закончилось? — в сердце теплится робкая надежда.

— Однажды девушка оказалась сильной целительницей, — улыбается Эми, — и дар просто рос, был таким огром-

ным, что ждал, когда его смогут принять. А однажды дар пришёл к ведьме только после сильной травмы, когда она была на грани.

— То есть дар всё же пришёл?

— Да, в тех случаях да. К ещё одной моей знакомой дар вовсе не пришёл, и она спилась, — голос прозвучал приглушённым сожалением.

— Господи... — я представляю, каково это, прожить всю жизнь без дара, ожидая его и не получая. — Я наверно, её понимаю, — растираю виски.

— А я нет, — качает головой Эми. — Жизнь прекрасна, любая жизнь — ведьмовская, человеческая, вампирская. И я никогда не могла бы даже подумать, чтобы тратить её на сожаления и жалость к себе.

Что-то неуловимое мелькает на лице целительницы. Меня пронзает догадка:

— Вы та целительница, к которой дар долго не приходил!

— Нет, — она улыбается тепло и искренне, — я та, что была на грани и тоже оказалась целительницей.

Эми умолкает и осматривает меня, удовлетворённо кивая.

— К тебе придёт дар, я уверена, — тихо произносит она, уже выходя из комнаты. — Наберись терпения. Кто знает, какая сила дремлет в тебе!

Её слова звучат лучше любой музыки, а заключение, прикреплённое к медкарте, позволяет мне покинуть хоть и уютную, светлую, но всё же больницу.

— Джесс! Нина! — я бросаюсь к сёстрам, обнимаю их и с удивлением замечаю, как они слабы. Слабы не только их руки, висящие плетьюми, но ослаб и дух.

«От них не веет силой», — с ужасом понимаю я.

Если раньше мне пустышке всегда было слегка завидно, что чувствую всполохи силы от сестёр, а сама по прежнему остаюсь почти человеком, то теперь же, не ощутив никакой силы, я впадаю в ступор и безгранично жалею девчонок.

— Я так хочу домой, — слабым голосом говорит Нина.

— Всё бы отдала за ванну и кровать, — вторит ей Джесс.

— Я позвонила Мэг, она ждёт нас на проходной, — я поддерживаю сестёр, и мы медленно, но верно проходим к лифту и спускаемся в холл.

Мэг бледная, растрёпанная, какой я её никогда не видела, едва заведев нас, раскрывает объятия, и все мы оказываемся под материнским крылом.

— Мои девочки, — шепчет она, утирая слёзы. — Поехали домой.

В гломобиле глухая тишина. Никто из нас не решается заговорить, задать вопрос. Сёстры засыпают, я прикрываю глаза и погружаюсь в мысли об... Аресе.

«Опять! Чёрт его раздери! Последний, о ком бы я хотела думать, — этот вампир. Учитывая, что нас похитил его брат!» — злость пытается разгореться, но искры быстро гаснут, ведь он прикрыл меня собой. Я помню. Это точно было.

Непривычные мне признательность и теплота к вампиру

струятся под кожей, растекаются по венам.

«Нужно срочно прекратить это. Что за блажь, сидеть и мечтать о вампире, которого почти не знаешь?»

И всё же выбросить его из головы никак не получается, более того, я пытаюсь думать о Салиме, о том, как он переживает за меня. И к своему удивлению начинаю мысленно сравнивать двух красавцев. И Салим проигрывает по всем фронтам. Что уж там, я ведь даже чувствую... желание. Внизу живота закручивается тугой пульсирующий узел, и мне стоит больших трудов сдержать сладострастный стон при мысли о сильных руках вампира и о том, что он мог бы ими со мной сделать...

«Господи! Да я вся горю», — чувствую нестерпимый жар и полыхающие щёки и радуюсь, что всё внимание Мэг сейчас направлено на родных дочерей, слабо сжимающих её руки.

Мы въезжаем в наш спокойный квартал, и я с удовольствием отмечаю, что постовых больше нет. «Значит, исчезновений больше не было, значит, слухи не врут», — разглядываю камеры на домах. Бесполезные камеры, ведь несмотря на то, что у нас хороший район и благополучные соседи, девушки всё равно пропадают. Причём не в нашем квартале, а во всех соседних. Луиза, Анна, Химена, Мария... К Химене я даже немного ревновала Салима, одно время мне казалось, что при встрече та бросает слишком недвусмысленные взгляды на моего возлюбленного, старается оказаться поближе к нему, проявляет знаки внимания. Но он мно-

го раз заверял меня, что между ними ничего нет и Химена просто придумала невесть что. А потом она пропала, как и все остальные — просто вышла из дома, даже не взяв вещей, и с тех пор девушку никто не видел. Через пару дней после неё пропала Мария: утром родители не нашли её в комнате и забили тревогу.

И все с ума посходили. Понатыкали ещё больше камер, наняли постовых, объявили комендантский час. Видеться с Салимом стало гораздо труднее, слава Богине, он как-то научился обходить камеры и проникать в наш укромный садик.

Ловлю себя на неожиданном ощущении: странно, что сейчас, думая о парне и наших встречах, я не испытываю ничего. Никакого предвкушения от встречи, и лишь с какой-то безгловостью вспоминаю умелые ласки и свои стоны.

«Бред. Наваждение. Надеюсь, всё пройдёт, потому что сейчас кажется, что меня словно подменили. Я же люблю его!»

Оказавшись дома, я притворяюсь, что всё хорошо, и почти бегу в свою комнату, где первым делом принимаю ванну и смываю грязь как физическую, так и душевную.

Становится гораздо легче. Вот только желание унять никак не удаётся, я по-прежнему вождею своего спасителя. И, сидя на самом краю ванны, всё же опускаю руку туда, где всё горит огнём. Я не могу удержаться, хочу сбросить эту пытку Аресом Илидисом. Хоть так.

Арес... Я провожу рукой по влажным складочкам, чуть

шире раздвигаю ноги и ласкаю себя, представляя, что это он, что это его руки притрагиваются к заветным местечкам, растирают, поглаживают, заставляют прерывисто дышать и почти стонать, чувствуя подступающий пик наслаждения. Я закусываю губу, чтобы не закричать от взрыва наслаждения, от пульсации набухшего бугорка под пальцами. А перед глазами так и стоит красивое надменное лицо Высшего вампира.

Никогда ещё я не испытывала такого яркого оргазма. Словно не вампир, а сам дьявол искушает меня. Едва отдышавшись, начинаю приводить себя в порядок и продолжаю думать об Аресе, будто моих ласк было мало и мне нужен он. Здесь и сейчас. Сжимающий меня в жарких объятиях. Ласкающий...

«Что же происходит?» — хочу разобраться в себе, запереться от всех и всё обдумать. Закрываю дверь комнаты, наслаждаясь знакомой спокойной обстановкой, и вдруг перед глазами что-то мигает. Морщусь, потому что в ушах стоит гул, словно где-то снова что-то взрывается, а потом в голове звучит неприятный, скрипучий голос: «Ты ничего не чувствуешь. Ты не любишь Ареса. И не полюбишь!» Гул спускается ниже, вибрирует. А потом чувствую, как все мысли об Аресе обрываются, как будто невидимые нити обрезают твёрдая жестокая рука. Желание и тёплое чувство признательности, в котором доселе не хотелось признаваться самой себе, тлеют, я почти физически чувствую, как в груди становится сначала нестерпимо горячо, а потом... холодно и пу-

сто.

«Как будто у меня отняли чувства! — я хватаюсь за голову в бесполезной попытке заглушить шум в голове. — Чёртов вампир, что ты со мной сделал? Почему сначала я возненавидела тебя, потом рыдала у тебя на руках, почти таяла от твоих прикосновений, захотела тебя, как последнего мужчину на земле, а теперь не испытываю ничего?»

Шум проходит так же внезапно, как и начался. Я прерывисто дышу, пульс зашкаливает, сердце стучит, заходится, словно заяц, которого поймали в силки. А я пытаюсь понять, что же со мной происходит последние сутки, на каких адских качелях меня бросает то в одну сторону, то в другую.

Замираю, поняв, что всё прошло. Словно я никогда ничего и не чувствовала к вампиру. Словно мне показалось. Словно пять минут назад я не ласкала себя, представляя его. Внезапный стыд перед самой собой за недавние ласки и предательство Салима опалает меня, заставляет чувствовать себя последней тварью. Увидела кровососа и растаяла перед тем, кто отправлял сестёр на костры инквизиции.

Противно от самой себя. Я ложусь на кровать и засыпаю. Мне снится седая женщина, кажется, ведьма, которая смотрит на меня и укоризненно качает головой.

— Пустышка! — презрительно бросает она и испепеляет меня взглядом. И столько ненависти и злобы в её глазах, что меня охватывает леденящий, нестерпимый ужас.

Я открываю глаза и глубоко дышу.

— Сон, это всего лишь сон...

Но неприятная, горькая и холодная тяжесть поселяется где-то под рёбрами, заполняет собой ту часть меня, где прежде были совсем другие чувства. Чувства к вампиру, которых быть не должно.

«Может, так действует отравка, которой нас опоили? Ведь нас похитили для вампира, который возжелал наследников, значит, в отраве могли быть какие-то ингредиенты, вызывающие влечение к клыкастым. Есть много снадобий и отваров, способных вызывать те или иные чувства: влечение, желание, даже влюблённость. Похоже, и в той дряни в нашем шампанском было что-то такое. Иначе, как объяснить вспышку желания и мысли об Аресе? Ты просто была под влиянием дурмана! — наконец-то нахожу логичное объяснение и радуюсь тому, что всё прошло. — Жаль, что у меня нет дара и доступа к знаниям об отварах и снадобьях», — закусываю губу, в очередной раз жалея о своей ведьмовской несостоятельности.

Пытаюсь отвлечься от неприятных мыслей и беру книгу. Но, едва начинаю чтение, как раздаётся щелчок двери. Поднимаю глаза и вздрагиваю от неожиданности, роняю книгу и кажется, что я снова в каком-то бреду. Потому что рядом с вошедшей Мэг стоит ненавистный Арес.

Накатывает бешенство, эмоции зашкаливают и я хочу сказать: «Пошёл вон!» и запустить в него чем потяжелее, но в лёгких нет воздуха, голос отказывается слушаться, а потом

утро обжигает нестерпимо горячим теплом.

Я словно где-то в третьем измерении, испаряюсь из этой комнаты, от Мэг, Ареса и оказываюсь посреди золотистого моря, ласково оmyающего мои ноги. Чувствую, как внутри происходит невидимая борьба, как кто-то бережно, но в то же время настойчиво соединяет порванные прежде нити, а потом ласковый, медовый голос шепчет:

— Дочь моя, прими мой дар. Прими женские силу и мудрость. Будь сильна! Позволь любви побороть все предрассудки!

И в груди, там, где не так давно поселилась пустота, робко расцветает что-то тёплое.

А потом я растворяюсь в золотом сиянии.

Мои дорогие!

Представляю вам свою горячую новинку!

Можно ли из эскорта попасть в... графини?

У Кристины получилось!

История называется "Из эскорта в графини"!

<https://litnet.com/shrt/PnPI>

фэнтези-роман 18+

#

Меня зовут Кристина, и ещё вчера я была обычной мос-

ковской эскортницей на содержании у богатого папика. Но ночная авария перевернула мою жизнь: я проснулась в теле знатной девицы, вынужденной выживать в мире, где слово женщины почти ничего не значит без поддержки сильного мужчины. Здесь, где магия реальна, а интриги смертельно опасны, я стала Кристенной, которая пыталась покончить с собой перед свадьбой с brutальным графом, чьи глаза полны хищного блеска.

 Подозреваю, что он выбрал меня не случайно.

Всё, что у меня есть, — симпатичная мордашка, расчётливый ум и... постельные трюки, которые я освоила в своём мире. Чтобы выжить, мне придётся разыграть страсть, даже если настоящие чувства окажутся опаснее любого заговора. Я готова рискнуть, потому что больше умирать не хочу.
 А вы готовы сыграть со мной?

<https://litnet.com/shrt/PnDI>

Глава 5. Побег

Лаура

— Какого чёрта! — я в таком гневе, что кричу, как резаная. — Да что за бред! У меня же даже дара нет!

— Лаура, — сверкает глазами Мэг, — вас благословила сама Богиня!

— Я этого не помню! Я была без сознания!

— Я свидетель тому, — грозно настаивает Мэг. — И будь добра, води себя повежливее. То, что ты встретила истинного, не даёт тебе права повышать на меня голос. Напомню тебе, что ты пока под моим крылом, я глава этого дома! Вот когда упорхнёшь и станешь амори Высшего Илидиса, тогда можешь позабыть все приличия и ценность семейных уз!

Становится нестерпимо стыдно. Вспоминаю, с каким боем Мэг отвоёвывала меня у семьи матери, державшей меня в чёрном теле, почти узницей в мрачных стенах загородного дома. Как защищала, как спасла от договорного брака со стариком — любителем девочек-подростков. На глаза наворачиваются слёзы.

— Прости, Мэг, — поднимаю глаза. — Я очень тебя люблю, ценю и... благодарна за всё. Просто это слишком сложно. Не умещается в голове. Я ведь... привыкла уже считать себя пустышкой. Даже не думала о таком...

— Лаура, — голос тётки смягчается, — я всё понимаю.

Но такова судьба. Ты его полюбишь. Вы истинные, у вас нет другого выхода. Он уже к тебе что-то испытывает, уже тебя чувствует. Я это видела своими глазами.

«А я нет!» — хочется прокричать мне. Но благоразумно молчу.

— К тому же, если вы истинные, я просто не могу обойти правила и оставить тебя в нашем доме. Богиня вас соединила, значит, теперь ты его, а он твой. И жить вам вместе. Он собирается провести вампирский обряд, сделать тебя амори.

— Я понимаю, — кротко опускаю глаза.

— Вот и хорошо, — устало говорит Мэг. — У нас сейчас столько проблем, что не хотелось бы сажать тебя под замок или удерживать заклинаниями. Дождись возвращения Ареса и следуй своей судьбе.

— А когда он вернётся? — тихо спрашиваю, надеясь услышать в ответ «никогда».

— Думаю, относительно скоро. Ему нужно что-то уладить дома, — ведьма задумчиво тянет, — скорее всего, сообщить подружке или подружкам, что их интрижка закончена. Ну и он ещё занимается расследованием вашего похищения. Так что, думаю, пару дней, а то и пару недель у тебя есть, чтобы привыкнуть.

Почему-то слова про интрижку больно бьют по самолюбию.

«Бред! Он мне не нужен. Пусть хоть сто романов заведёт!» — отмахиваюсь от уязвлённой гордости.

Мэг внимательно смотрит на меня, словно что-то решает, пытливо вглядывается в моё лицо. Потом вздыхает, наверное, что-то увиденное ей очень не нравится, и качает головой:

— Отдохни. Тебе нужно полежать. Распоряжусь, чтобы тебя не беспокоили.

Едва она выходит, я даю волю злым слезам.

«Какая я наречённая? Какая истинная? Да мне претит одна мысль о том, что нужно связать жизнь и судьбу с вампиром, рожать ему детей, — вздрагиваю, закусываю губу и вспоминаю, как ласкала себя. — Что это было? Кроме отвращения, эти воспоминания ничего не вызывают. Наверное, это какой-то побочный эффект той дряни, которая была в алкоголе. Слава Богине, из меня всё выветрилось, и я снова я, а не какая-то ведомая похотью и дурманом нимфоманка».

Вибрация глоффона отвлекает от раздумий и заставляет покраснеть: на экране высвечивается «Салим».

— Лаура, малышка! — встревоженный голос парня звучит чуть глухо. — Как ты?

— Привет... Я уже лучше, — подбираю слова. — А как ты?

— Да что я? Просто переживаю за тебя, волнуюсь. Прощал тебя вчера всю ночь, думал, ты бросила меня уже. На сообщения не отвечаешь. А оказалось... — он вздыхает.

— Да, не ожидала я, что всё так закончится. Вместо встречи с тобой состоялась встреча с похитителями, — пытаюсь

пошутить я. Но шутка выходит какой-то грустной, неуклюжей и повисает в воздухе, как тяжёлый уродливый булыжник.

— Хочу тебя увидеть, — шепчет Салим.

— Я тоже, — отвечаю возлюбленному не задумываясь.

— Я рядом, могу пробраться к вам.

— Тогда я выскользну в окно к тебе прямо сейчас, — улыбаюсь, предчувствуя его объятия.

— Пять минут, — заговорщически шепчет Салим и кладёт трубку.

Я вскакиваю с кровати, осматриваю себя в зеркале: выгляжу на удивление свежей, словно ничего и не было. На краткий миг даже кажется, что кожа светится каким-то золотым сиянием. Быстро надеваю шорты и футболку, прохожусь гребнем по длинным волосам, пахнущим свежестью после душа, и иду к окну.

Привычным движением отодвигаю раму, ставлю заглушку и выскальзываю навстречу любимому. Настоящему любимому, а не какому-то вампиру, которого видела пару раз.

— Малыш, — руки Салима обвивают талию, тёплое дыхание становится ближе, сердце бьётся рядом, так, что я чувствую его быстрый стук.

— Салим, — шепчу я, чувствуя, как наворачиваются слёзы. — Салим...

— Всё позади, милая. Ты в безопасности, — шепчет он.

— Да, — наконец-то чувствую себя дома.

— Я переживал. С тобой всё в порядке?

— Почти... — закусываю губу и не знаю, как рассказать о вампире. О том, что из-за него нам теперь не быть вместе.

— Что не так? — Салим отстраняется и вглядывается в моё лицо.

— Мэг говорит, что меня и одного вампира соединила Богиня, пока я была без сознания, и теперь мы наречённые. Скоро он приедет за мной и заберёт, чтобы сделать своей амори, потому что чувствует нашу истинность.

Взгляд юноши становятся жёстким, колючим, кулаки сжимаются, на лице играют желваки. Такого Салима я ещё не видела. Между нами повисает тяжёлая тишина.

— Ты его любишь? — впивается мне в глаза требовательным взглядом тот, с кем думала связать жизнь.

— Нет, — почти кричу, ни секунды не колеблясь. — Я его ненавижу! Мне кажется, что-то нечисто в этой якобы истинности. Я не хочу быть с ним.

Салим делает шаг ко мне и жадно впивается в губы. Я отвечаю, не отстраняюсь, хотя на краткий миг что-то внутри меня кричит: «Нет! Не делай этого!»

Крик сходит на нет, и остаются только тёплые губы, страсть, умелый язык, дразнящий и возбуждающий. Руки спускаются ниже, подхватывают под поясницу, прижимают к крепкому телу так, что я чувствую возбуждение парня и распаляюсь ещё больше.

— Вот бы это не кончалось... — бормочу я, наслаждаясь

тем, как возлюбленный ласкает и прикусывает мочку уха.

— Давай сбежим! — шепчет Салим и останавливается, заглядывает в глаза.

— Давай! — я прерывисто дышу, пытаюсь прийти в себя от горячих поцелуев и потушить полыхающее желание.

— Ты серьёзно? — Салим по-прежнему сжимает в объятиях. — Готова сбежать со мной подальше отсюда?

— Да! Готова. Не хочу никаких вампиров, истинности и брака без любви.

— Тогда нам надо торопиться, — парень сжимает мою руку.

— Я готова хоть сейчас.

Сказав это, понимаю, как отчаянно хочу сбежать от брака с вампиром, от обязательств мнимой истинности, от семьи, которая будет давить на меня. Решимость крепнет и разрастается.

Наверное, всё видно по моему лицу: Салим расцветает в улыбке, вижу вспышку радости и лёгкую задумчивость на красивом лице и замираю. Понимаю, что сейчас решается наша судьба.

— Давай сбежим этой ночью, — он полон решимости. — Я буду ждать тебя около клёнов в конце улицы. Не бери много вещей, только самое необходимое, чтобы никто ничего не заметил. У меня есть деньги, я давно копил, — он криво улыбается. — Правда, думал, что на нашу свадьбу, но... — он осекается и разводит руками.

— Я буду с тобой и без всякой свадьбы! Мы с тобой ещё накопим! — вспыхиваю от радости.

Салим сжимает меня в крепких объятиях, и шёпотом мы обговариваем детали побега. Затем долго и нежно целуемся, и я проскальзываю в комнату, улыбаясь мыслям о грядущем счастье.

Остаток дня пролетает в радостном ожидании. Очень кстати, что меня не беспокоят, как и обещала Мэг. Я придирчиво осматриваю вещи, отбирая необходимый минимум. Достая из тайника небольшой конверт с гло. У меня тоже есть наличность. Правда, откладывала я их не для побега, а для того, чтобы пойти учиться как обычный человек, если станет понятно, что дара у меня нет.

«Что ж, в нашем случае гло не помешают», — я складываю вещи в маленький спортивный рюкзак, а затем предусмотрительно прячу его в самую глубину шкафа. До назначенного времени встречи может случиться что угодно.

Стараясь выглядеть слегка подавленной и немного слабой, я всё же спускаюсь к ужину.

— Хочу побыть с семьёй, — улыбаюсь, опустив глаза в ответ на невысказанный вопрос во взгляде Мэг. — Кто знает, когда Высший Илудис заберёт меня.

«Никогда!» — ликует всё внутри, и мне становится чуточку стыдно за это враньё. Чувствую, как к лицу приливает жар.

— Похоже, что-то да и просыпается внутри тебя, — по-

глядев на меня, тянет Мэг.

Мы с ней за столом вдвоём. Джесс и Нине всё ещё плохо, и они в своих комнатах.

— Не знаю, — уклончиво отвечаю я, стараясь не выдать истинных чувств.

— Откуда же тебе знать, — улыбается тётя, — ведь ты ещё не любила.

Я старательно смотрю куда угодно, только не на ту, что заменила мне мать. Врать ей непереносимо.

«Но так надо», — грустно шепчет внутренний голос.

В конце ужина я говорю, что устала, обнимаю Мэг и прошу не беспокоить с утра. Та понимающе кивает, и я скрываюсь в своей комнате. До побега остаются считанные часы.

Хожу по комнате кругами, перепроверяю собранный рюкзак, нервничаю. Вот-вот произойдёт то, что круто изменит всю мою жизнь. И это не брак с ненавистным вампиром.

За окном всё темнее, я пытаюсь отвлечься чтением, но буквы сливаются в тёмное пятно, и я просто сижу, раздумывая о том, что будет дальше.

Конечно же, мы уедем далеко, туда, где нас не найдут. Снимем квартиру, поженимся. Я поступлю в университет, как и мечтала, буду работать и помогать Салиму. Чувствую небывалый подъём от красивых картинок грядущего, в котором мы живём как обычная пара, вдали от магии, интриг, приёмов и вампиров.

— Мы будем очень счастливы! — тихонько шепчу я за-

мечтавшись. Вот только где-то в груди что-то неприятно перекатывается, словно какой-то осадок внутри закручивается в чёрную липкую тревогу. Так беспокойно я себя давно не чувствовала, как будто под рёбрами смешиваются тревога и леденящий холод, заполняют меня собой, заставляя ноги стать холодными, а руки вспотеть.

«Лаура, успокойся! Салим любит тебя, у вас всё будет хорошо!» — мысленно пытаюсь унять тревогу, но не выходит. Становится только хуже, и я вскакиваю с кровати и распахиваю окно, впуская прохладный вечерний воздух, пропитанный терпким ароматом садовой сирени.

Вдох-выдох, вдох-выдох... Кажется, стало чуть полегче. Сажусь на подоконник и раздумываю, стоит ли писать прощальное письмо... Стоит. Все труды Мэг стоят хотя бы доброго слова напоследок.

Я беру ручку и бумагу и принимаюсь за письмо, подбирая слова.

«Мэг, мне невыносима мысль о том, что я должна стать амори вампира. Я люблю Салима и очень давно. Мы скрывали свои чувства, потому что думали, что ещё не время, я всё ждала, когда придёт дар. Но дара нет, и мне кажется, что уже и не будет, а вместо счастья с тем, кого выбрало сердце, мне предстоит тягостная жизнь с вампиром, которого я не люблю, более того, он мне ненавистен. Прости, Мэг, но я хочу быть счастливой с тем, кого люблю, и рискну. Надеюсь, ты поймёшь меня, а Высший Арес не будет искать.

Прости за всё.

Люблю тебя, Лаура».

Салим просил не писать прощальных записок и никому не говорить о нас, чтобы не возникло вражды между семьями, но я знаю Мэг и уверена, что она всё поймёт. Она и сама когда-то была бунтаркой, если верить семейным сплетням.

«В конце концов, что будет брату Салима? Мы живём в XXII веке, никакой кровной мести не существует! Хочу, чтобы все знали о том, как сильно я люблю!»

И только называть вампира по имени почему-то всё тяжелее, словно я предаю и его.

«Бред!» — встряхиваю головой. — Я ему ничего не должна. Робкую мысль о том, что вампир вообще-то спас мне жизнь, я отгоняю. Нет, думать о нём как о спасителе не хочется, иначе совершить побег станет гораздо сложнее, словно невидимые путы благодарности оплетут меня ещё теснее, чем истинность, которую я совсем не чувствую.

В назначенный час переодеваюсь и кажусь себе каким-то шпионом из детективных фильмов. На мне всё тёмное: удобные спортивные штаны, кроссовки, футболка и лёгкая толстовка с капюшоном. Хочется слиться с ночью, чтобы никто не заметил моего побега от...

Закусываю губу. Не хочу даже мысленно произносить его чёртово имя, которое постоянно проскальзывает в размышлениях то о мнимой истинности, то о том, что вампир спас меня. Какое-то наваждение с именем Арес поселилось в го-

лове. Даже сейчас, совершая столь дерзкий и опасный побег, я зависаю на мысли о нём.

«Так не пойдёт, Лаура! — я грожу себе пальцем в зеркало и посылаю ободряющую улыбку. — Хватит соплей, слюней и размышлений. Пора действовать!»

Выглядываю из комнаты и вслушиваюсь в ночную тишину дома, через пару минут убеждаюсь, что все крепко спят, тихонько спускаюсь с рюкзаком за плечами. Ловким, привычным движением почти бесшумно соскальзываю с узкого карниза и замираю.

Снова слушаю тишину. Ни звука. Улыбаюсь тому, как гладко всё идёт. Никем не замеченная, я быстро покидаю наш тихий садик и растворяюсь в темноте спящего района. Дорога к клёнам в конце квартала кажется бесконечной, я крадусь кошкой, я невидимка, беззвучная тень в чёрном.

Улыбаюсь, заведев тёмный силуэт. Салим, это он! И всё же к радости примешивается лёгкая тревога. Будто происходит что-то неправильное, словно мне грозит опасность. «Ты просто трусиха!» — мысленно ругаю себя, стараясь радостно улыбаться парню.

Он заключает меня в объятия, а затем шепчет:
— Милая, я так ждал тебя!

И тревога отступает, растворяется под тёплыми сильными руками, заставляющими трепетать.

Салим налегке, и на мой вопрос: «Где твои вещи?» загадочно улыбается и ведёт меня сквозь кленовую рощицу

по узкой тропинке. Мы выходим на соседнюю улицу, где чуть поблёскивая хромированными дисками стоит небольшой тёмный гломобиль.

— Я тщательно подготовился! — улыбается Салим, пикает ключом и открывает багажник.

Я прикрываю рот рукой, чтобы не закричать от восторга. Этот сюрприз, эта основательность, с которой жених подошёл к нашему побегу, заставляют чувствовать себя важной, нужной. Потому что даже в самых смелых мечтах такой роскоши, как гломобиль, у нас не было.

«У нас всё получится! — радостно улыбаюсь. — Теперь мы можем уехать далеко, не рискуя оказаться замеченными в общественном транспорте!»

Салим с лёгкостью закидывает рюкзак в багажник, галантно подаёт руку, помогая сесть на переднее сиденье. Устраивается рядом, включает лаундж и страстно целует меня. Поцелуй выбивает почву из-под ног, заставляя трепетать и гореть. Я, как и всегда с ним, на грани. «Сегодня или завтра ты переступишь эту грань!» — пульсирует уверенность внизу живота.

Желание, восторг, чувство опасности скручиваются в горячий адреналиновый взрыв внутри. Я чувствую себя почти всесильной, готовой на всё.

— Детка, ещё минута, и я за себя не отвечаю, — отстраняется Салим. — Поехали.

Я опускаю глаза и улыбаюсь. Его неприкрытое желание

лучше тысячи слов и комплиментов.

Он поправляет зеркала, бросает на меня обжигающий взгляд, и мы трогаемся.

— Я решил, что поведу сам, отключил все навигаторы, — объясняет Салим в ответ на мой недоумённый взгляд. — Мы ведь теперь в бегах! Нужно выехать за пределы сектора, и там дальше поменять машину.

Я лишь улыбаюсь. В голове ни одной мысли, там, как и в животе, порхают бабочки.

Мы едем какими-то узкими дорогами, а затем выезжаем на трассу. Незаметно для себя засыпаю, а когда открываю глаза, то мы уже паркуемся около какого-то небольшого сельского дома.

— Где мы? — потираю заспанные глаза.

— Мы переночуем здесь, в глуши, — улыбается Салим. — Я заранее забронировал, подумал, что нам нужна будет небольшая передышка.

— А это безопасно? — дурное предчувствие, уже покинувшее меня, снова гнездится облаком переживаний в груди, заставляя сердце тревожно сжиматься.

— Конечно, — как-то криво усмехается Салим, — не переживай. Я обо всём позаботился, бронь на липовые корки.

Я изумлённо гляжу на него, отмечая незнакомую мне прежде кривую ухмылку, чуть развязный тон и сленг. «Корки, это, видимо, документы, — догадываюсь я. — Но откуда? Как? Неужели какое-то влияние непутёвого брата?»

Бесконечные вопросы заставляют меня окончательно проснуться.

— Пойдём, — Салим выходит из машины, достаёт вещи, улыбается своей обычной улыбкой.

«Дурочка, — успокаиваю себя, — тебе просто показалось!»

Улыбаюсь, принимаю предложенную руку и прохожу к небольшому деревянному домику. Салим отодвигает неприемную доску сбоку от деревянного крыльца и достаёт ключи.

— Ты тут не в первый раз? — вырывается у меня, потому что слишком ловко и со знанием он проделывает каждый шаг.

— Просто внимательно слушал хозяина дома, — бросает парень и открывает дверь.

«Не сходи с ума!» — снова улыбаюсь и вхожу в домик.

Комната уютная, обшита деревом, большая двуспальная кровать, мягкий кремовый ковёр, электрический камин, а сбоку дверь в небольшую кухню, где на столе стоит два бокала и бутылка шампанского.

— Комплимент от хозяина, — улыбается Салим, — я сказал, что у нас медовый месяц.

— Так и есть, — я подхожу и заглядываю ему в глаза. — Мы теперь с тобой почти муж и жена.

— Да, милая, — он притягивает меня ближе, — я так долго ждал этого. И мы наконец-то всё преодолели.

Салим жарко целует меня, дразнит умелым языком, чуть прикусывает губу. И я почти наслаждаюсь...

Холодная тревога под рёбрами не даёт раствориться в моменте и быть здесь и сейчас. Словно что-то неправильно, не так.

— Всё в порядке? — Салим чувствует меня, как и всегда.

— Распереживалась, извини... — мне неловко, и почему-то хочется уйти отсюда. Напряжение зашкаливает.

— Ты просто нервничаешь, и это понятно, — ласково улыбается парень. — Немного шампанского не повредит.

— Наверное...

— Осмотрись пока в доме, а я открою бутылку, — улыбается Салим. Его глаза странно поблёскивают, словно он в предвкушении.

Краснею, подумав о том, чего ожидает любимый. Да того же, чего и я. Сегодня всё случится, я наконец-то стану женщиной, и он будет моим первым и единственным мужчиной. Закусываю губу. Образы наших обнажённых сплетающихся тел так и стоят перед глазами. Внизу живота разгорается пламя и я дрожу от нетерпения будущих ласк.

Осматриваю комнату, перехожу в небольшую ванную, отмечая наличие джакузи, в котором плавают лепестки роз. Ночь явно будет романтичной и страстной. Огонь желания, трепет и предвкушение становятся всё сильнее. Как и неясная тревога.

«Да что творится?! Хочется нажать на какую-нибудь

кнопку и просто выключить тревогу. Лаура, ты далеко от дома, с любимым, у вас всё хорошо, расслабься!» — смотрю на себя в зеркало и пытаюсь взбодриться.

— Вот ты где, — в небольшую комнатку входит Салим, — а я всё приготовил, пойдём.

Он берёт за руку и ведёт на кухню. Свечи, шампанское, бутерброды с икрой...

— Ты настоящий волшебник, — я целую его в плечо. — И романтик...

— Всё для нас этим вечером, — он поднимает бокал и прищуривается. — За тебя, за прекрасные перспективы!

— За тебя, милый и за наше будущее! — на лице парня мелькает что-то непонятное, он хищно улыбается, мы чокаемся, и я делаю большой глоток.

«Почему этим вечером кажется, что всё не так? Даже вкус шампанского не такой. Оно чем-то похоже на то с вампирского приёма, что было приправлено отравой для ведьм».

Кто-то звонит Салиму, и он тихонько выходит из дома. А я, сама не зная почему, выливаю шампанское в раковину.

«Он так старался, а я просто неблагодарная... — показывать, что мне что-то не нравится, совсем не хочется. — Тебе кажется, что это просто морок, остаточное», — пытаюсь уверить себя и беру бутерброд с икрой и откусываю кусок, раздумывая о том, что романтическое настроение куда-то испарилось. Хочется просто лечь и спать, хоть я и вздремнула в машине.

Салим входит в комнату:

— Будешь ещё шампанского, принцесса?

— Ох, мне хватит, — стараюсь улыбнуться, — и так голова кружится.

— Ты нервничаешь, — уже второй раз за вечер говорит Салим. — Приляг, отдохни. Нам завтра с утра снова нужно в путь.

Я с благодарностью киваю, и как была в спортивных штанах и футболке, так и забираюсь в кровать. Кажется, я засыпаю, даже не успев прикоснуться к подушке.

Не знаю, сколько проходит времени, когда я с трудом разлепляю глаза. Чьи-то голоса раздаются из кухни, и меня пробирает озноб страха: неужели нас нашли?

Замираю, прислушиваясь.

— Да, она точно целка. Я её полгода мариновал, — с усмешкой говорит Салим. — Сам бы женился, да за неё денег много не дадут, свои дочери есть.

Внутри всё леденеет: «Неужели... неужели это он про меня?!»

— Всё прошло гладко? — спрашивает хриплый мужской голос.

— Как всегда, ни записки, ни следа. Как раз постовых вчера только убрали, — голос любимого сочится самодовольством.

— В этом районе уже слишком опасно, — задумчиво тянет хриплый, — надо выметаться.

— Я рассчитываю перебраться в другой сектор, везде полно хорошеньких дурочек. К тому же тут слишком сильные ведьмы, и мне не очень доверяют из-за Саида и его истории с наркотой, хорошую партию я себе вряд ли найду.

— Ну, твоя нынешняя девчонка не такая уж сильная, — хмыкает хриплый.

— Она сильная, я думаю. Просто её нужно хорошенько инициировать — жёсткий секс с сильным партнёром, как в старину делали, — с отвратительным цинизмом резюмирует Салим. — Кроме того, есть всякие зелья, не понимаю, почему мамаша до сих пор не опоила девчонку. Не такая уж там побочка...

Меня начинает бить дрожь: «Обо мне. Это всё обо мне. Но... зачем? — вопросы не дают покоя. — Он меня не любит», — накрывает с головой пелена злости, жалости, разочарования. В груди становится пусто, холодно. Ещё холоднее, чем было, словно кто-то забрал последние чувства.

Пытаюсь пошевелиться и встать. Нужно бежать отсюда.

«А куда? В лес? Ты хоть знаешь, где ты сейчас? — отрезвляет внутренний голос. — Чёрт, и правда. Мне что, бежать по ночному лесу? Куда, в какую сторону? Да меня же поймут сразу... Дура! Дура!» — клянусь себя, что поверила в историю о любви, побежала за подлецом.

— Дай гляну на неё, — слышу звук отодвигающегося стула. — Не проснётся?

— Обижаешь, я её так опоил, сутки будет спать, делай что

хочешь.

Я вздрагиваю, кутаюсь в одеяло, закрываю глаза, притворяюсь спящей.

Тихо открывается дверь, слышу скрип половиц, всё ближе и ближе, потом кто-то садится на кровать и дотрагивается до волос, отодвигает их, рассматривая лицо.

— Хорошенькая, — хрипит мужчина, — просто куколка. Ну-ка, — он откидывает одеяло, — а что у нас тут...

Он ощупывает мою грудь, вызывая волны омерзения. Кажется, вот-вот, и меня стошнит. Но вместо этого я продолжаю притворяться спящей.

— М-м-м, какие сиськи, — он по-хозяйски гладит грудь, задирает футболку, рассматривает. Всем существом чувствую мерзкий похотливый взгляд.

А затем подлец стягивает с меня штаны. Я собираю всё самообладание, кажется, перестаю дышать, ловя панику, вспоминая вчерашний вечер, изнасилованную девушку и руки похитителя, так же отвратительно ощупывавших меня.

— Прекрати, — раздаётся голос Салима. — Я сказал тебе — она девственница. Заказчик платит нам именно за это.

— Химена твоя оказалась не девственницей, — выплёвывает мужлан, но убирает от меня руки и грубо натягивает штаны обратно.

— Я её не трахал, — отрезает Салим, — мне она тоже заливала, что никого не было у неё.

Чувствую, как он прикрывает меня одеялом, и едва сдер-

живаю облегчённый выдох.

— Из-за этой дуры, — продолжает парень, пришлось организовать Марию, а потом затаиться на два месяца. Теперь я тщательно проверяю товар, поверь. Эта точно нетроута и порадует любителя девственниц и извращений.

Подонки уходят на кухню, а я закусываю кулак, чтобы не разрыдаться в голос.

«Вот же дура! Сутки назад тебя похитили какие-то ублюдки, и это ничему тебя не научило?! — мысленно ору на себя. — Возомнила, что у тебя любовь! Идиотка! Да лучше бы с вампиром осталась! — и осекаюсь. — С вампиром, который думает, что я его истинная, и будет поджидать меня в семейном доме. Значит, туда дороги нет. Что же я натворила? Что со мной будет?»

Вслушиваюсь в разговор и ужасаюсь, в какой заднице оказалась. «Надо выбирать, надо что-то делать, — тревожно гудит в голове, — Арес тебя уже не спасёт!»

Да, никогда бы не поверила, но сейчас была бы рада и грёбаному вампиру, лишь бы вытащил меня из болота, куда я погрузилась добровольно.

— Ладно, я поехал, подмажу проверяющих на пересечении сектора, выезжай с куколкой через пару часов, всё, как обычно, — бросает хриплый и уходит.

«Действовать! Сейчас же!» — загорается в голове красная лампочка.

Салим шуршит пакетом на кухне, мурлычет под нос попу-

лярную песенку про любовь, а я, напряжённая, как пружина, выстраиваю план побега. Очередного побега за два дня.

Всматриваюсь в мягкий полумрак комнаты и пытаюсь найти что-то, чем смогу оглушить Салима. Замираю. На прикроватной тумбочке стоит металлический светильник-фонарь. Наверное, подойдёт. Тихо встаю с кровати и беру фонарь.

«Тяжёлый, то, что нужно», — прикидываю я и готовлюсь к броску, едва парень войдёт в комнату.

Всё затихает. Раздаётся скрип открывающейся двери, и Салим входит в комнату.

Я бросаюсь на него быстрой тихой тенью и изо всей силы бью по затылку. С глухим вскриком мерзавец оседает на пол.

Наклоняюсь. Глаза парня закрыты, по шее стекает струйка крови.

— Так тебе и надо! — кричу я и пинаю неподвижное тело. — Получи! Тварь!

Отдышавшись, обыскиваю Салима и достаю ключ от гломобиля, а ещё два идентификатора[1]. На моей ладони лежат документы с нашими фотографиями и чужими именами.

— Рания Сант, — читаю я, — и Сэмыюэл Сант. Ну надо же, мы уже успели пожениться!

Сую поддельный идентификатор в карман. Пригодится, как и наличные, которые тоже быстро прикарманиваю. Хватаю рюкзак и бегу к гломобилю.

— Твою мать! — бормочу спустя пять минут, когда у ме-

ня так и не получается сменить режим в гломобиле. Управлять машиной вручную я не умею, и такой древней системы управления в жизни не видела.

«Пойду пешком, главное — дойти до трассы, там поймаю попутку, — выбегаю на узкую гравийную дорогу, петляющую под кронами старых дубов. Пасмурно, темно, словно какие-то сплошные сумерки затянулись и мне сложно понять какое сейчас время суток, сколько я проспала, сколько пробыла в отключке прежде чем проснуться и узнать такую болезненную, неприятную правду.

Вглядываюсь, сквозь деревья вдали виднеются тусклые фонари межсекторной трассы. — Спасена! — облегчённо вздыхаю. — Сейчас выйду к людям».

Шум и треск гравия заставляют обернуться и пожалеть о том, что не связала Салима: на меня мчится гломобиль. Фары выключены, темно, но даже так я отчётливо вижу ярость на лице похитителя.

«Сука!» — отчётливо произносят его губы.

Гломобиль объезжает меня, преграждая побег к трассе, заставляет повернуться. Я ныряю в заросли, но поздно: сильные руки хватают меня и отбрасывают, как пушинку. Больно ударяюсь о камень, пытаюсь встать, еловые ветки царапают кожу. Чувствую, как из разбитой губы сочится кровь.

— Не уйдёшь! — мерзко смеётся Салим и больно пинает в живот.

Я кричу и падаю на четвереньки. Внутри разрывается

бомба из боли и отчаяния. Сил встать больше нет. Я сломалась.

— Я отдам тебя в такое место, — расплывается в улыбке Салим, — откуда ты не вернёшься! Ещё и расскажу заказчику, какая ты буйная. Он любит поиграть с жертвами.

Внутри всё холодеет, надежда, пустившая было росток, засыхает на корню.

«Мне конец!» — я едва могу сопротивляться, чувствуя, как похититель связывает запястья жёсткой верёвкой.

Я пытаюсь позвать на помощь, но изо рта вырывается только тонкий писк, и Салим тут же заклеивает мне рот.

— В следующий раз ты откроешь его, только чтобы отсосать, — бросает он с глумливой улыбкой и закрывает багажник, оставляя меня в темноте, спёртом воздухе и ужасе.

Последнее, что я вижу перед тем, как он закрывает багажник — старомодный деревянный указатель со стрелочкой «Тропа Севени 1 км».

Время тянется бесконечно, меня трясёт по кочкам, словно похититель нарочно выбирает самую разухабистую дорогу. Очень хочется пить и в туалет, затекли ноги, а сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди.

Внезапно машина останавливается. Раздаётся треск, непонятный шум.

«Это конец... — устало думаю я. — Приехали.»

А затем багажник открывается, и меня пробирает дрожь. Передо мной с окровавленными руками и ярко-красными

глазами стоит... Арес.

[1] Аналог международного паспорта, пластиковая карта с чипом.

Глава 6. Тебе не сбежать

Арес

— Мойра, я этого не хотел, — стараюсь держать себя в руках, и всё же градус растёт, — мне эта ведьма на хер сдавалась! Сама знаешь, я поехал на приём из вежливости.

— Ну-ну, — пухлые губы кривятся в презрительной усмешке, — и по чистой случайности ты встретил девчонку, которой так удобно прикрыться, чтобы избежать союза со мной. Да от тебя до сих пор несёт ведьмой. Хоть бы помылся после секса!

— Сколько я могу тебе говорить? — смотрю в серый хрусталь сверкающих гневом глаз. — Я с ней не спал, между нами ничего не было.

— Да от тебя разит другой женщиной! — голос любовницы переходит на крик. — Не держи меня за дуру. Думаешь, я буду второй или стерплю?

— Я думаю, что нам нужно расстаться, — сам удивляюсь, с каким спокойствием произношу это.

Мрачнеют её глаза, испепеляют яростью:

— Скотина! — выплёвывает Мойра и застёгивает блузку.
— Трус и слабак!

Дверь хлопает: вампирша вылетает из комнаты, словно за ней гонятся.

После её ухода в доме наконец-то воцаряется тишина. Я качаю головой и вызываю экономку.

— Госпожа Мациди, скоро в моём доме появится невеста, мы проведём ритуал, и она станет моей амори, — уведомляю единственную особу женского пола, которая ни разу в жизни не посмотрела на меня, как на мужчину. Моё уважение к ней безмерно, и не только за это. Она мастерски управляет с огромным домом, садом, организацией мероприятий, прислужой, да, в общем, всем. Лучше её никого ещё не было.

— Невеста? Высшая Мойра?

— Нет, другая, человек, — наблюдаю, как меняется лицо экономки. Мне всё же удалось удивить Аурию.

— Какую комнату подготовить? Вашу спальню?

— Нет, пока нет, — чувствую досаду по этому поводу. — Но это только на первое время. Подготовьте смежную комнату.

— Поняла, — кивает женщина. — Что-то ещё? Особые пожелания? У девушки много вещей?

— Приготовь всё, у неё не будет вещей...

«...и прошлого с любовником, — мрачно добавляю про себя. То сообщение так и стоит перед глазами. — Ничего, ведьмовская Богиня соединила нас. Лаура влюбится в меня, это дело ближайшего времени», — уверяю себя.

Аурия кивает, уточняет кое-какие детали. Не могу дать ответ ни на один вопрос и понимаю, как ничтожно мало знаю о своей истинной. В сущности — ничего. Ни любимых блюд,

ни цветов, ни вещей. Предоставляю экономке решить все моменты самой.

«Очень скоро я узнаю тебя поближе, — открываю профайл, подготовленный Виком, и вглядываюсь в лицо той, что станет моей навсегда. — Хочу изучить каждый изгиб твоего тела, каждую ложбинку, каждый волосок, как ты целуешься, какие позы предпочитаешь», — останавливаюсь на чувственных губах и безуспешно пытаюсь сдержать поток эротических фантазий, в которых Лаура умело убажает меня.

В том, что она искушена в постельных вопросах сомнений нет, и я снова чувствую муки ревности.

«Тем лучше, — пытаюсь прогнать неприятное, болезненное чувство, — не придётся учить, как сделать мне приятно».

И всё же где-то там, в глубине души мне жаль, что это прекрасное тело познало близость другого. Или других. И цинизмом здесь прикрыться не получится, я-то знаю, чего хотел бы на самом деле. Впервые за много веков мне хочется, чтобы девушка была невинна. Сколько раз я срывал эти цветы, шептал в нежные ушки, что это всего лишь девственность, и только сейчас, думая о Лауре, понимаю, что для меня, оказывается, очень важно, чтобы та самая дождалась меня. Хочется быть единственным. Навсегда.

Морщусь, с трудом закрывая профайл. Мог бы смотреть на неё бесконечно, но лучше уж побыстрее уладить все дела и поскорее забрать в свой дом. Почти физически ощущаю,

как не хватает рядом той, которую видел всего три раза. «И два из них она теряла сознание, — смеётся внутренний голос, — а в самый первый раз была в ярости!»

Ничего, стерпится — слюбится. Тем интереснее покорять такую неприступную красотку. И снова все мысли кружат вокруг Лауры, словно тысячи мотыльков, летящих на свет в ночи.

Главное, для чего приезжал в Афины, улажено, всё же Мойра заслуживает уважения. Если бы не встреча с истинной, она бы наверняка стала моей амори. С Мойрой мне было очень хорошо. «Комфортно», — услужливо подсказывает внутренний голос.

Да, комфортно. Удобная, в меру мягкая, в меру уступчивая, но не слишком, оставляла простор для манёвров, умела сохранить интригу и играла неплохо. Лишь сегодня, когда вышла из себя, показала, что всё же влюблена. «Жаль, что не вампирша моя истинная, насколько всё было бы проще, — думаю о том, что знакомство было не самым удачным, и отношения со строптивой Лаурой ещё нужно выстроить, ведь к ней пока не пришёл дар и чувства. — Ещё и это проклятие, — невольно поёживаюсь. Вспоминаю этот крик, закатившиеся чёрные глаза, струйку крови. Сколько раз я видел смерть, сколько раз сам убивал или отправлял на погибель, и всё же, старой ведьме удалось запомниться. Такой ненависти и злости вкупе с силой я ещё не видел.

«Хотя, кто знает? Может, проклятье и не удалось? А что,

если наоборот? Тогда Лаура не полюбит меня? — холодная колючка страха заставляет вздрогнуть. — Нет, мы же истинные, их Богиня соединила нас, она не может не полюбить меня».

И всё же, открывая файл с информацией о проклявшей меня ведьме, чувствую неприятный холодный озноб, и отголоски её жуткого крика так и звучат в ушах.

Вик, конечно, постарался. Молодец, так чётко, конкретно всё изложил. Анастасия Винницкая — бабка Марьяны Винницкой, той самой юной погибшей под завалами ведьмы.

«А семейка интересная, — вчитываюсь в биографию старухи, — старуха-то оказывается, прожила почти два века, значит, сильная. Все дети были слабые, а вот внебрачная дочь на склоне лет сумела родить сильную девочку. М-да, вырождается, конечно, ведьмовское племя. Понятно, почему они с такой радостью стали выходить за нас и рожать детей. Ещё пара веков, и их бы просто не стало. «И никто бы от этого не проиграл», — скалится внутри тот самый средневековый вампир, что разжигал костры инквизиции.

Следующие строки заставляют вздрогнуть: «Среди способностей Анастасии Винницкой особо выделяются пророческий дар и заговоры».

Заговоры. Ну конечно, проклятие, тот же заговор. А пророческий дар свой она показала во всей красе, объявив Лауру моей истинной. А уже через пару часов произошло то, что подтвердило слова ведьмы.

«Твоя истинная ничего не почувствует, ты будешь врагом для неё», — снова и снова слова старой карги звучат в голове, вселяя смутную тревогу. Потому что, если ведьма, которая была достаточно сильна, чтобы прожить два века, ведьма, чьи способности позволяли ей занимать постоянное место в ковене, умерла, проклиная меня, это значит только одно: проклятие удалось.

Тревога внутри множится, заставляет принимать поспешные решения. «Я хочу забрать её прямо сейчас, пусть будет рядом, под присмотром, под контролем», — бурлят беспокойство и желание.

— Тим, — отдаю приказ пилоту, — готовьте джет для полёта, мы вылетаем в Амьен.

Если Тим и удивлён тем, как недолго я пробыл дома, то ничем себя не выдаёт, и уже через полчаса всё готово к очередному полёту.

Да, мой затворнический образ жизни, похоже, закончился. Третий перелёт за два дня. Давно такого не было.

Во время полёта отвлекаюсь от дурного предчувствия просмотром личных дел всех девушек. Кроме Марьяны, было изнасиловано ещё двое, но ни одна из них не пришла в себя, так крепко ведьмы были опоены. И это наводит на мысли о том, что искать похитителя стоит или среди ведьм, или... даже не хочу об этом думать, но вывод напрашивается сам собой, за этим стоит древний вампир.

Больше никому такие снадобья не могут быть известны.

Звонок прерывает мои рассуждения над делом.

— Слушаю, — отвечаю на незнакомый номер.

— Это Маргарита Марани, — раздаётся чуть приглушённый голос.

— Что случилось? — дурное предчувствие сжимает сердце клещами.

— Лаура сбежала...

— Что? Как это произошло?

— Всё было как обычно, она поужинала с нами, сказала, что плоховато себя чувствует и попросила не беспокоить. Мы бы и не беспокоили, да только под утро поднялся сильный ветер, и из-за открытого окна...

— Я её найду, — обрываю ведьму, внутри взрываются ярость, адреналин и... желание поймать и наказать.

— Боюсь, у нас мало времени, — голос ведьмы слегка дрожит. — Мы уже начали поиски, но пока безрезультатно. Когда вы сможете прилететь?

— Я уже лечу, мы будем в Амьене через полчаса.

— Я вас жду, — быстро говорит ведьма. — Отправлю водителя.

— Не стоит, меня ждёт машина.

Я так зол, что клыки удлиняются сами по себе. Просто потому что я не контролирую свой гнев. Шутка ли, такое случилось.

Да как они могли упустить мою истинную!

«Немудрено, что она сбежала. Как-то же встречалась со

своим хахалем. Хотя почему это как-то? Может, все были в курсе?» — барабаню пальцами по столу. Чувствовать себя таким дурачком очень неприятно, нужно срочно разобраться в ситуации.

«Это твой последний акт своеволия, Лаура. Будешь у меня по струнке ходить, обвешу дом камерами, найму кучу охраны, — мысленно даю кучу обещаний. Страх потери цветёт буйным цветом, заставляя ощущать себя уязвимой букашкой. — На хрен мне сдалась такая истинность!» — сажусь в машину и мчусь по пустынным улицам утреннего города.

Ни минуты покоя, сердце колотится как сумасшедшее, страх потери разрастается, мешает нормально думать.

Вик поджидает у дома Марани, не думал, что буду так искренне рад видеть кого-то. Мужчина кратко вводит в курс дела, заставляя лишний раз восхититься его дедуктивными способностями и хваткой:

— В общем, если бы не записка, то никто бы и не догадался, что Лаура встречается с этим Салимом. А между тем именно его семья обладает весьма дурной репутацией: у его брата приводы, связь с продавцами наркотиков, чёрная метка в личном деле.

— А этот Салим? — имя соперника оставляет во рту неприятный привкус, словно хлебнул горечи.

— За ним таких грешков не замечалось, но вот что примечательно: на его имя открыта ячейка в банке, куда он

несколько раз приносил что-то, естественно, в банке не скажут что. А даты, когда он пополнял ячейку, всегда на пару дней позже исчезновений юных девушек в соседних кварталах.

— Ты хочешь сказать, что Лаура... Что Лауру похитил этот ублюдок?!

— Нет, — глаза Вика чуть прищуриваются, и по лицу пробегают лёгкая тень, словно он тщательно подбирает слова. — Я хочу сказать, что она сама с ним ушла. Как и все предыдущие девушки. Родители одной из пропавших замечали, что она изменилась, словно влюбилась, но всё держала в секрете. Конечно, притянута за уши, но всё сходится: ушла в ночь, никто ничего не знал, почти без вещей, и всё по соседству. И ни разу — ни записки, ни намёка, ничего. В этот раз девушка оказалась не такой послушной и написала прощальную записку.

— Она совсем не покорная девочка, — вспоминаю вспышку гнева, тон Лауры и чувствую, как хочется укротить строптивницу. — Покажи! — желание прочитать её послание нестерпимо, будто оно может дать ответы на вопросы где она сейчас, и почему не дождалась меня...

— Вам будет неприятно, — в голосе мужчины ни капли страха, лишь сухая констатация фактов.

— Увидим, — бросаю я.

«Что может быть неприятнее побега будущей амори?» — следуя за ассистентом.

Едва сдерживаюсь, чтобы не выплеснуть гнев на Маргариту. Не время. К тому же видно, как обеспокоена ведьма, бледность худого лица и сжатые губы так и бросаются в глаза. Сухо киваю ей и прохожу в комнату Лауры.

Записка не неприятная — она бьёт под дых, уничтожает всякую надежду. Отворачиваюсь, жду, когда спрячутся клыки. Перечитываю снова и снова: «...тягостная жизнь с вампиром, которого я не люблю».

Меня словно окунули в бочку с дерьмом. Нелюбимый. Пусть не ищет.

«Нет, милая, я тебя найду, накажу и подчиню! И ты будешь стонать подо мной и просить ещё и ещё».

Поворачиваюсь к Маргарите, Вику, худенькой блондинке, вроде одной из спасённых дочерей ведьмы:

— Есть идеи, куда они могли уехать?

Мрачное безмолвие. Как и ожидал.

— Мы проверяли их дом. Там никого нет, оставили засаду, вдруг кто объявится.

— Мне нужны видео со всех камер наблюдения в округе,

— Вик ловит мой взгляд и кивает. — А также список всех друзей Лауры.

— Она ни с кем вне дома не общалась, — робко проговаривает блондинка, — я её лучшая подруга, и Джесс. И мы ничего не знали, клянусь! Она ни слова не сказала...

— Хороша дружба, — не удерживаюсь от едкого комментария и с удовольствием подмечаю, как вспыхивает девчон-

ка. Мелочно, но приятно, хоть так уколоть членов этой зазнавшейся семейки, упустившей дочь.

— Она хранила гломо[1] в заначке, — кивает на полку с книгами юная ведьма.

— Покажи.

Девушка подходит к полке и дрожащими пальцами отодвигает пару книг, за которыми ничего нет.

— Здесь был конверт, — она переводит взгляд на меня.

— Значит, наличные, — тяну я. — Предусмотрительно.

Вик уходит вызвонить свои контакты в органах правопорядка, я тоже делаю несколько звонков.

Поговорив со всеми, кто может быть полезен, разглядываю окрестности дома Марани, пытаюсь представить, как Лаура, покинувшая дом через окно, крадётся через сад, проskalьзывает через бесшумно открывшуюся дверь и исчезает среди тихих улиц района. Исчезает, чтобы не быть со мной.

— Кофе? — ко мне подходит явно нервничающая Маргарита.

— Не откажусь, — натягиваю маску приличия, умиряю гнев и стараюсь не показывать истинных чувств. Только не ведьме, нет.

Едва нам приносят дымящийся напиток, ведьма обескураживает меня:

— Мы с вами уже почти родственники, Арес. Можете коротко звать меня Мэг, как все в семье.

— Я надеюсь, что мы ими станем, Маргарита, — подчёрк-

нуто вежливо и холодно произношу я. — Для этого ещё нужно вернуть Лауру живой и невредимой.

— Арес, я приношу свои извинения за сложившуюся ситуацию. Признаю, что не доглядела. Но поймите, — она поднимает голову, впиваясь в меня усталым взглядом, — я была сконцентрирована на собственных детях, которым было много хуже, чем Лауре. Джесс до сих пор не отошла, и ночью у неё была горячка, пришлось делать ещё одно снадобье и отпаивать девочку. К тому же Лауре удалось провести меня.

— Каким образом?

— Не буду скрывать, она была... ошарашена новостью о вашей истинности, — ведьма явно подбирает слова, чтобы описать ситуацию. — Но вечером, когда Лаура спустилась к ужину, она выглядела так, будто приняла ситуацию. Производила впечатление смилившейся, успокоившейся.

Это «смирившейся» — выдаёт её. Ну конечно, строптивница устроила скандал, наверняка кричала, и не удивлюсь, если осыпала меня проклятиями. Невольно представляю, как хорошенький ротик произносит самые грязные и изощрённые ругательства. И, как ни странно, завожусь. Всё больше хочется усмирить девчонку, подчинить, своей воле и желаниям.

А желаний у меня много...

— Даже спросила, когда вы приедете за ней, словно не может перестать думать о вас. Я уж подумала, что это зарождается истинность и выдохнула.

— Понятно, — отпиваю горьковатый кофе. — Она разведывала обстановку, чтобы сбежать, готовилась.

— Да, — в голосе женщины звучит досада, — теперь я это понимаю. Думаю, пока к девочке не придёт дар, с истинностью будет сложновато.

— Как только мы найдём её, я позабочусь о том, чтобы истинность пришла к ней как можно скорее. Сразу же заберу в свой дом, где всё уже готово к приезду моей истинной.

В глазах ведьмы вспыхивает огонёк интереса, но она благоразумно молчит, а затем удивляет меня снова:

— Надеюсь, вы приручите Лауру.

Я лишь улыбаюсь в ответ. Нет такой женщины, что устоит перед моими чарами, если я поставлю цель добиться её. Маргарита словно читает мои мысли:

— Она многое пережила и не каждому откроется. Но вы, как мне кажется, способны...

Дверь резко открывается, и Вик быстро входит в комнату, победная улыбка на обычно спокойном лице вызывает надежды:

— Мы их засекли!

Хищник внутри довольно скалит зубы и готов атаковать. «Моя, ты будешь моя!» — кричит он.

Этот самый Салим явно осторожный парень. И явно поднаторел в похищениях: если бы не пронырливая сплетница в самом конце квартала, то мы бы навряд ли что-то узнали.

Старушке не спалось, и она читала, когда услышала звук

проезжающей машины. У бабульки явная ностальгия по старым временам, потому что, услышав звук старого движка, она выглянула в окно и заприметила старомодный гломобиль, выпускавшийся несколько десятилетий назад. «Такой был у моего старика», — дословно процитировал Вик, явно разделяющий пристрастия старушенции.

— Я послал запросы на заправки, и выяснилось, что пару дней назад в одной замухрыжной заправке на другом конце города заправляли такой гломобиль, и более того, — он поднимает палец вверх, — там сразу поменяли масло. Владелец сказал, что паренёк его постоянный клиент, и подробно описал этого Салима.

— Нужно дать ориентировки на гломобиль.

— Уже. Я взял на себя смелость прозвонить один контакт на секторальной границе, и выяснилось, что этот гломобиль пересекал границу. И вот удивительно: как раз через пару дней после похищения в соседнем районе.

— Значит, есть место, где девушек держат...

— Да, я тоже так подумал, — лицо мужчины расплывается в улыбке. — И, пока наши люди проверяют все отели-мотели, загородные дома, я предлагаю отправиться в сторону той самой секторальной границы, чтобы быть поближе к эпицентру событий.

— Отличная идея! — всё внутри бурлит азартом, жадой добычи, желанием уничтожить соперника.

Маргарита быстро поднимается:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.